

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

20 ноября 2013 г.

№55

Оглавление

Колонка главного редактора	6
Воля к сложности	7
Экономическая война	18
Путинская «революция сверху» — промежуточные итоги	19

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Информационно-психологическая война	39
Пятьдесят на пятьдесят	40
Классическая война	61
Наука и обороноспособность в России. На переломе эпох	62
Наша война	82
Человечина под соусом аполитичности — 4, или Псевдогуманизм на службе капитализма	83

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Социальная война	119
Российская бедность — 2 (продолжение)	120
Врач: профессия и этика. Часть I	138
Война с историей	158
Проект анти-СССР	159
Мироустроительная война	176
Армия моджахедов в Сирии	177

ОГЛАВЛЕНИЕ	4
Концептуальная война	198
Фашизм. Французские истоки и итальянские предтечи	199
Диффузные сепаратистские войны	220
Националистическая песня о регионализации под либеральный аккомпанемент, или Повторение пройденного	221
Метафизическая война	241
Судьба гуманизма в XXI столетии	242

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	5
Культурная война	300
Пролеткульт и Энциклопедия	301

Колонка главного редактора

Воля к сложности

Почти вся высокая гуманитарная интеллигенция, приобщённая к этой сложности, предала свой народ ещё в советскую эпоху

Что, собственно, могло заинтересовать Ленина в творчестве Джека Лондона? Ленин был высокообразованным человеком... Он с огромным интересом перечитывал и конспектировал Гегеля. И тут какой-то американский писатель с его рассказами. Окончательно-

го ответа на этот вопрос нет и не может быть. Но, скорее всего, Ленина привлекло в американском писателе некое волевое начало. У Джека Лондона есть рассказ «Воля к жизни». Ленину, находившемуся после тяжёлого ранения на грани небытия, очень нужно было выжить и запустить определённые процессы в России. И он, видимо, понял, что это потребует от него предельной волевой концентрации. Поняв же это, он стал искать тексты, позволяющие напитаться чем-то подобным, подключиться к чему-то подобному и так далее.

Может быть, дело было в этом. А может быть... Может быть, Ленин увидел в желающем жить человеке, описанном Джеком Лондоном, свою собственную страну, которая тоже хотела жить. Может быть, ему важно было проработать — причём не только умственно, но и эмоционально — эту волю к жизни?

Волю страны, зависшей, как и он, на грани небытия.

Впрочем, в этой статье я хотел бы обсудить не волю к жизни в её достаточно элементарном проявлении. Притом что элементарность этого проявления никоим образом не умаляет значимости описанного феномена. И всё же сейчас важнее понять загадочность другой воли. В чём-то странным образом близкой к вышеописанной. Я имею в виду волю к сложности.

Не могу не поблагодарить всех друзей из «Сути времени», поздравивших меня с днём рождения. Не могу не сказать им: «Товарищи, я по-настоящему тронут. Я не только всё прочитал, но и реально пережил всё то, что содержалось в ваших посланиях».

Сказавши это, я мог бы подвести черту под вопросом, имеющим сугубо личное значе-

ние, и перейти к проблемам актуальной политики. Я даже должен был бы это сделать, если бы не одно обстоятельство. Лейтмотивом принятых мною поздравлений — за вычетом пожеланий здоровья и прочих очень нужных вещей — является загадочная и неукротимая потребность пишущих в том, что я называю сложностью.

«Что же тут загадочного и тем более неукротимого?» — спросит меня читатель.

А вот что. Однажды, находясь в молодёжной, очень живой и даже страстной аудитории, крайне заинтересованной в том, чтобы понять содержание одного из написанных мною текстов, я столкнулся с рядом непонятных вопросов. И как-то интуитивно почувствовал, что эти вопросы, ничем, казалось бы, между собою не связанные, вращаются вокруг совершенно мне непонятного единого

смыслового центра.

Пытаясь нащупать этот центр, я стал чужими глазами читать свой текст. В данном случае речь шла о поэтическом тексте — тексте моей пьесы «Изнь». Но не это важно. Ведь перед этим какие-то сходные процессы вращения совершенно разных вопросов вокруг одного смыслового центра я не раз регистрировал, обсуждая тексты вполне прозаические, политические и так далее.

Итак, я попытался нащупать неясный мне смысловой центр, вокруг которого вращаются вопросы. И для этого стал отстранённо читать свой собственный текст, заставляя себя наткаться на какие-то непонятности.

«Исполни дерзкий номер, вуаля!

*Скажи: «Мгновенье, я прошу тебя —
Остановись!»*

— Ты путаешь меня

с другим героем...

— Так не остановишь
Мгновенье?

— Нет.

— Фиксируем ответ».....

...

«И почему не хочет
Герой мгновенье останавливать,
Уподобляясь в этом Фаусту?.. »

...

«В ничто, в ничто
Прыгай, Мак!

— Там куб!

— Не хочет, ё-моё,
Наш герой фаустианского конца»...

...

«Запоров нету пред тобою...

— Да-да, фаустианский тип!

— Объят ты будешь Пустотою... »

И так далее. Эти кусочки вдруг начали передо мной вращаться. Я чётко увидел объединяющий их центр, а также примыкающие к ним вопросы. И, набравшись смелости, сказал: «Подымите руки — те, кто не читал «Фауста» Гёте».

Поднялось очень много очень молодых рук.

Наблюдавший это специалист, видимо, пожалел меня и сказал: «Во-первых, какое количество советских технических интеллигентов читало «Фауста»? Во-вторых, заведомо мало прочитать «Фауста». Ну я, например, читал «Фауста» — и что?»

И я вдруг понял, что и впрямь мало прочитать «Фауста». Что надо понимать контекст, соприкоснуться с феноменом Гёте как художника и мыслителя. Что надо знать, что именно и когда было сказано о фаустиан-

ском человечестве. Что нужно сопоставлять аутентичный текст «Фауста» с другими текстами. Ну, например, с романом Томаса Манна «Доктор Фаустус». И что всё это должен делать не филолог или философ, а человек с большим политическим запалом.

«Всё будет хорошо», — сказал я аудитории. И в моих словах не было никакой фальши.

Воля к сложности... Почти вся высокая гуманитарная интеллигенция, приобщённая к этой сложности, призванная в силу разделения труда отвечать за то, что связано с её, сложности этой, адекватным использованием, предала свой народ ещё в советскую эпоху. Она это сделала глумливо и сладострастно. Не хочу огульно обвинять всех. Тем более что просто знаю людей, которые этого предательства не совершили. Но совершив-

ших осмысленное предательство представителей этой среды очень много. И страшно много. Их слишком много.

При этом враг навязал игру на территории, где предательство этой интеллигенции неизбежно порождало беспомощность народа. Прошла фактически четверть века. Странно не то, что не все читали «Фауста». И уж тем более не то, что определённые параллели не вызывают сложных — интеллектуально-эмоциональных — реакций. Нет, странно совсем другое.

Странно то, в какой степени молодёжная среда — существенно негуманитарная (судьбою так или иначе пришвартованная к постсоветскому весьма специфическому IT) — алчет гуманитарной сложности. Зачем ей эта сложность нужна? А она ведь очень нужна. Советская молодёжь была намного лучше об-

разованна. Она больше читала. В конце концов, было другое обязательное среднее образование. Но в ней не было этой яростной воли к сложности. А в части нынешней, гораздо хуже образованной молодёжи эта воля есть!

По-видимому, обсуждаемая мною часть современной молодёжи (обобщать свой опыт общения с «Сутью времени» на всю молодёжь, я, естественно, не имею права) чувствует, что дело плохо. И что будет ещё хуже. Что «залетели» по полной программе. Что вот-вот начнётся, так сказать, окончательное решение русского вопроса. И что дать адекватный ответ на подобный вызов можно только в одном случае — если взят барьер сложности.

В подобных страстях по сложному нет никакой рафинированности, никакого стремления к сложному ради сложного. В этом нет даже разного рода страстей по личному ро-

сту — всегда немного сусальных, банальных, вялых, эгоистичных. Воля к жизни и воля к сложности сплелись воедино. И для кого-то (не для всех, конечно, но для достаточно многих) две эти воли, сплетённые воедино, оказались, образно говоря, подвёрстаны к «Сути времени».

Всё чаще сейчас говорится о национально-освободительной борьбе, в ходе которой страна должна вернуть себе «неусечённый суверенитет». Но любая такая борьба предполагает наличие интеллигенции определённого качества. Такой готовой интеллигенции нет. Ей ещё предстоит сформироваться. И она сформируется, если есть и воля к жизни, и воля к сложности. Она обязательно сформируется, товарищи сутевцы.

До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

Экономическая война

Путинская «революция сверху» — промежуточные ИТОГИ

Глубоко криминализированный регрессивный псевдокапитализм в России уже был построен. И переломить регрессивные тенденции такая «революция» не могла

Ходорковский и Лебедев на суде

Команде Путина нужно было срочно останавливать уже явно обозначившийся «заговор олигархов», то есть начатые весной 2003 года попытки «староельцинских» кланов взять под контроль ключевые политиче-

ские позиции в Москве и регионах. Но репрессивно реагировать на это новая власть не могла. Не могла потому, что не имела для этого надёжного «силового» потенциала. Не могла и потому, что не хотела усугублять свою международную изоляцию, уже наметившуюся в ходе «равноудаления» Гусинского и Березовского, которое вызвало в западной прессе истерику по поводу «ликвидации в России свободы прессы и зачатков демократии». Однако и для того, чтобы массово перекупать ставленников староолигархических кланов, власть ресурсов не имела. Да и понимала, что такое соревнование в коррупции чревато очень высокими политическими издержками. И потому кланы, сделавшие ставку на Путина, решили провести показательную, но «точечную» акцию «порки».

Серьёзных грехов, хорошо известных ко-

манде Путина, хватало у всех «староельцинских» кланов и их публичных олигархических фигурантов. Но, конечно, больше всего грехов накопил клан М. Ходорковского.

Во-первых, именно Ходорковский стал, по факту, наиболее активной штабной фигурой «староельцинской» фронды. И его сторонники (например Б. Немцов) открыто называли Ходорковского будущим российским властителем.

Во-вторых, именно Ходорковский оказался во всех смыслах наиболее прочно связан с зарубежным бизнесом и политиками, проявлявшими особую заинтересованность в «другой» (слабой и зависимой) России.

Ходорковский подружился с Дж. Соросом и создал в России аналог Фонда Сороса — благотворительный фонд «Открытая Россия». Причём в Совете «Открытой России»

оказались такие знаковые фигуры, как Генри Киссинджер, лорд Джейкоб Ротшильд из лондонской ветви этой банкирской семьи, а также бывший посол США в России Артур Хартман. И команда Путина хорошо знала, что «Открытая Россия» не только наиболее жёстко критиковала режим Путина, но и щедро финансировала российские оппозиционные группы (не правда ли, очень похоже на стиль множества неправительственных организаций, готовивших в России в 2011–2012 гг. «оранжевую революцию»?).

В-третьих, именно Ходорковский начал переговоры о слиянии своего ЮКОСа с наследством Березовского — «Сибнефтью». 22 апреля 2003 г. главы ЮКОСа и «Сибнефти» официально объявили о готовящемся слиянии компаний. Аналитики тут же подсчитали, что новосозданный частный нефтяной ги-

гант будет контролировать более трети российской нефтедобычи.

В-четвёртых, именно Ходорковский весной 2003 г. начал переговоры о продаже минимум блокпакета (25–40%) акций ЮКОСа американским нефтегазовым грандам — «Экксон-Мобил» и «Шеврон-Тексако». Причём в июле 2003 г. Ходорковский для этих переговоров встречался с вице-президентом США Диком Чейни, а сентябре — с экс-президентом США (и в тот момент представителем американской корпорации «Карлайл Групп» в Москве) Джорджем Бушем-старшим.

В этот момент команде Путина стало окончательно ясно, что главный бюджетобразующий потенциал России фактически уходит под контроль её основного геополитического противника (в том, что США именно такой противник — после одностороннего вы-

хода Америки в 2002 г. из Договора по противоракетной обороне — сомнений не было). И что этому надо воспрепятствовать.

Как воспрепятствовать? И политика «информационно-политической открытости» (фонды типа «Открытая Россия»), и политика приглашения в Россию зарубежных корпораций с их капиталами и технологиями — это ведь была преемственная политика Ельцина–Путина! Ведь именно команда Путина в феврале того же 2003 года одобрила создание холдингом «Альфа-групп» (владелец Тюменской нефтяной компании) и «Бритиш Петролеум» нефтяного холдинга «ТНК-ВР» для работы в России!

И та же команда Путина никак не препятствовала регистрации крупнейших российских корпораций в западных оффшорах. Так, ЮКОС фактически принадлежал ком-

пании Group MENATEP Limited, зарегистрированной в Гибралтаре, «Сибнефть» — «британской» компании Millhouse Capital, и т.д.

Ломать всё это через колено путинцы не могли. Политика «ближе к Западу» по-прежнему была осью принятой ещё в ходе перестройки властно-государственной стратегии. Да и слабая (и находящаяся под пресом внешних долгов) Россия не была готова к жёсткой конфронтации с Западом, к которой неизбежно привела бы такая ломка через колено.

И потому останавливать «староельцинский» переворот команда Путина решила по самым понятным для «цивилизованного Запада» основаниям — обвинениям в крупных экономических и, в частности, налоговых преступлениях.

То есть путинские кланы использовали

против ЮКОСа тактику, которую ФБР США в начале 30-х годов XX века применило в борьбе с чикагской оргпреступностью. Понимая, что доказывать преступления мафии в сфере бандитизма и рэкета крайне трудно (особенно тогда, когда бесследно исчезают или упрямо молчат свидетели), ФБР занялось налоговыми декларациями преступников. И на основании юридически бесспорного анализа этих документов посадило главных мафиози на большие сроки (Аль Капоне, в частности, получил 10 лет тюрьмы).

Российское гособвинение сделало основной акцент именно на налоговых, мошеннических и других экономических преступлениях руководства ЮКОСа, включая Ходорковского. Оснований для таких обвинений у клана Путина было более чем достаточно.

Были известны факты рейдерских захва-

тов структурами ЮКОСа активов малых нефтяных компаний в регионах работы корпорации.

Были известны изобретённые менеджерами ЮКОСа способы мошенничества с так называемой скважинной жидкостью. При добыче нефти из истощённого пласта (а также при интенсивной эксплуатации нефтяных месторождений) на поверхность из скважин откачивается не чистая нефть, а смесь нефти и воды, поступающей из соседних водоносных зон нефтяного пласта. И если нефть в отчётах называть «скважинной жидкостью», состоящей в основном из воды, то можно заплатить в бюджет в несколько раз меньше налогов, а добытую нефть через дочерние компании экспортировать по мировым ценам.

Были, наконец, известны и махинации с особыми внутрикорпоративными (транс-

фертными) ценами и торговлей через внутрироссийские оффшоры. В этих махинациях нефть сначала продавалась по заниженной цене (то есть с малыми налогами) собственной оффшорной «дочке» ЮКОСа, а затем «дочка» продавала эту же нефть (нередко опять-таки по трансфертной цене) собственному нефтеперерабатывающему заводу. Получался огромный выигрыш в налогах за счёт низких трансфертных цен и за счёт оффшорных налоговых льгот.

2 июля 2003 г. по обвинению в хищениях и уклонении от уплаты налогов структурами, подконтрольными нефтяной компании ЮКОС, был арестован Платон Лебедев, председатель совета директоров группы «Менатеп» (зарегистрированной в Гибралтаре корпорации-владельце ЮКОСа). В офисах ЮКОСа и «Менатеп» начались обыски.

А 25 октября 2003 г. по тем же обвинениям арестовали М. Ходорковского. Все счета и активы ЮКОСа кроме расходов на зарплату сотрудников были заморожены, сделка по объединению с «Сибнефтью» и переговоры о продаже доли ЮКОСа американцам — остановлены. Следствие по делам Ходорковского и Лебедева завершилось приговором суда в сентябре 2005 г. Оба получили по 9 лет лишения свободы.

Отметим, что при этом практически за скобками публичности в России остались те зарубежные игроки, которые стали союзниками ЮКОСа и в деле «трансформации» российской власти, и в деле экономического дерибана России. В частности, о планах Ходорковского продать огромную часть ЮКОСа американским нефтяным гигантам подробно писали на Западе, но не в России.

Отметим также, что в деле ЮКОСа был достаточно отчётливо обозначен и сугубо бандинский компонент деятельности «староолигархического» клана, который олицетворял Ходорковский. Куратора службы безопасности ЮКОСа Леонида Невзлина и главу службы экономической безопасности ЮКОСа Алексея Пичугина обвинили в организации серии убийств и покушений на бизнесменов и политиков, которые мешали клану. Пичугин получил 24 года лишения свободы, а Невзлин (ещё летом 2003 г., до развёртывания дела ЮКОСа, уехавший за границу и осевший в Израиле) — заочный приговор к пожизненному заключению.

Конечно, в зарубежных СМИ (особенно в этом отношении отличились США) дело ЮКОСа сопровождалось массовой информационно-пропагандистской атакой на

«путинский режим». Путина обвиняли и в стремлении установить личную диктатуру, и в манипулировании прокуратурой и судом, и в том, что он возрождает традиции сталинизма по политическому преследованию своих противников. Не отставали от Запада в этих обвинениях и российские «олигархические» СМИ.

Однако доказательства экономического криминала в действиях ЮКОСа, обнародованные в ходе судебного разбирательства, были бесспорны. Бесспорны настолько, что «Эмнести Интернешнл» дважды — в 2005 и 2011 годах — отказалась признать Ходорковского «узником совести». Европейский суд по правам человека, в который обратились с иском против России адвокаты Ходорковского, также в сентябре 2011 г. признал, что ЮКОС «оптимизировал налоги» незаконно и

что претензии к нему российского правосудия были справедливы.

Дело ЮКОСа в результате не только оставило «реваншистский дранг» староолигархических кланов. Команда Путина сразу перешла в наступление.

Тут же были узаконены более жёсткие налоги на нефтяные корпорации, против чего ранее олигархи успешно боролись с помощью прикупленного лобби в Госдуме. Были внесены поправки в закон о «Соглашениях о разделе продукции», фактически блокирующие возможности дальнейшего заключения СРП и разработки месторождений в этом, крайне невыгодном для России, режиме.

В декабре 2003 г. был отменён закон о праве местных властей устанавливать на своей территории инвестиционные льготы по налогу на прибыль. Тем самым были фактически

ликвидированы все внутрироссийские оффшоры (за исключением Калининградской области, где были установлены льготы для резидентов особых экономических зон). Олигархи лишились крупнейшей юридической лазейки для ухода от налогов.

Наглядный пример судьбы ЮКОСа и ужесточение системы налогового контроля привели к резкому повышению собираемости налогов. Этому способствовала и постепенная ликвидация бартера и системы взаимозачётов долгов предприятий, которые были благоприятной средой для налоговых махинаций и мошенничества.

Далее началось ужесточение контроля над банками и сокращение теневого наличного денежного оборота. Если во времена олигархической вольницы обналичка денег с банковских счетов стоила в среднем 1% от обна-

личиваемой суммы, то к 2005 г. её цена выросла до 5–7%.

Наконец, с 2004 г. на мировых рынка начала расти цена нефти (она с 29 долларов за баррель в 2003 г. поднялась до 54 долларов в 2005 г.). Это повышало доходы экспортёров и налоговые отчисления в бюджет, а также запуская цепочки производственных заказов сначала смежникам нефтяников, а далее и по другим отраслям экономики.

Связанный с делом ЮКОСа реальный вывод значительной части хозяйственной деятельности из тени, а также перечисленные факторы оживления экономики привели к тому, что начал довольно резво (по официальным данным, в пятилетке 2001–2005 гг. в среднем на 6,1% в год) расти российский ВВП.

Всё это дало возможность наращивать

«социальную» часть бюджета и постепенно повышать зарплаты, пенсии, стипендии, пособия. Одновременно появилась и возможность снижать зависимость страны от международных кредиторов. Внешний госдолг России сократился со 158,7 млрд долларов на начало 2000 г. до 76,5 млрд долларов на конец 2005 г.

Помимо перечисленного, в 2005–2006 гг. государственная «Роснефть» постепенно скупала почти все добывающие и перерабатывающие активы ЮКОСа и стала крупнейшей нефтяной компаний России. То есть дала в руки команды Путина важнейший рычаг «экономической вертикали».

Не было забыто и выстраивание «вертикали власти».

Началась практическая реализация вынесенного в июне 2000 г. решения Консти-

туционного Суда («О проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай»), требовавшего возвращения в российское конституционное поле республик РФ. Тех, которые с благословения Б. Ельцина в 1990-х годах «взяли столько суверенитета, сколько могли проглотить» и поставили свои конституции выше Конституции России.

А 3 декабря 2004 г. Госдума приняла закон об отмене губернаторских выборов и утверждении глав субъектов Федерации региональными парламентами лишь по представлению президента России.

Некоторые аналитики окрестили описанные процессы «победой над олигархией» и «путинской революцией сверху». Однако... глубоко криминализированный регрессивный псевдокапитализм в России *уже был по-*

строен. Его «понятия» уже развели все социальные страты, включая высшие этажи бизнеса и чиновничества. И потому «путинская революция сверху» могла лишь несколько замедлить победное шествие регресса за счёт упорядочивания законодательства и замены части ставленников «староельцинских» кланов (слишком плотно вписавшихся в де-рибан и зарубежные интересы) на новые, в том числе спецслужбистские, клановые фигуры. Но переломить регрессивные тенденции такая «революция» не могла.

О том, как эти тенденции развивались далее — в следующей статье.

Юрий Бялый

Информационно- психологическая война

Пятьдесят на пятьдесят

Андропов и Куусинен — анти-сталинисты, ибо хотели сделать возможным вхождение России (СССР) в Европу даже за счёт отсечения от красной империи части её национальных окраин

Фёдор Бурлацкий

Итак, мутация отдельных сегментов Отдела международных связей (ОМС) — ключевой структуры Коминтерна, к которой О.Куусинен, «духовный отец» Ю.Андропова, имел самое непосредственное отношение, без-

условно, началась ещё при жизни Сталина.

В любой войне — а против СССР и красных смыслов велась одна из самых мощных и изощрённых войн в истории человечества — враг пытается внедрить в систему противника элементы, которые будут подтачивать и разлагать эту систему изнутри. Однако мутация системы возникает не только благодаря таким внедрениям, но и под влиянием иных факторов. К примеру, плотное взаимодействие представителей накалённой смысловой системы с представителями враждебной — но тоже обладающей собственными накалёнными смыслами — системы оборачивается в ряде случаев переходом в «идеологическую веру» своего противника.

Мы уже обсудили, что в силу специфики ОМС, фактически наделённого разведывательными функциями, представители это-

го Отдела контактировали с очень широким спектром «сил». И, соответственно, подвергались множественным воздействиям. Со стороны части белоэмигрантов, ещё недавно непримиримо враждебных ко всему «красному», но вступивших при Сталине с ОМС в союзнические отношения. Со стороны прямых врагов — фашистов. Со стороны западных либералов, с не меньшей энергией, чем фашисты, противопоставлявших коммунистическим ценностям собственные ценности. И т.д. В результате отдельные представители враждебных систем переходили в «красную веру». Но и те, кто должен был обеспечивать этот переход, в свою очередь, подвергались идеологической обработке, теряли «красную веру», обретали иную веру, перерождались, вставляли на путь предательства. Во-первых, иначе просто не могло быть. Процесс перевер-

бовки никогда не является однонаправленным. А во-вторых. . . Если бы процесс отпадения своих от «красной веры» не шёл на порядок быстрее, чем процесс приобщения чужих к «красной вере», СССР не распался бы. А он распался.

Пойдя по следу ОМС, мы обнаружили, что Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (сокращённо — Отдел по соцстранам), созданный в 1957 году и возглавлявшийся Андроповым, преемствен ОМС, поскольку появился в результате серии трансформаций этой структуры. Непосредственным руководителем Андропова как главы Отдела по соцстранам стал один из старейших и влиятельнейших коминтерновцев О. Куусинен, занявший в том же 1957 году пост секретаря ЦК КПСС по международ-

ным делам. Ряд ключевых консультантов андроповского отдела, сыгравших впоследствии свою роль в годы перестройки (те, кого позже назовут «либералами из «андроповской шинели»): Ф. Бурлацкий, Г. Арбатов — прежде, чем попасть к Андропову, также сотрудничали с Куусиненом. Иными словами, Куусинен плотно опекал деятельность данного отдела.

И не он один. Куусинен символизирует для нас некую группу, сложившуюся в недрах Коминтерна. Какое бы название ни получала после очередной реорганизации структура, изначально называвшаяся ОМС, она неизменно сохраняла в числе своих сотрудников определённое количество старых коминтерновских кадров. Именно эта группа, потерявшая «красную веру», в которую она должна была обращать чужих, и обретшая чужую веру, — выдвинула проект «вхождения СССР в

Европу», предполагавший отказ от красных смыслов и красного проекта.

А поскольку эта группа являлась, скажем так, по совместительству ещё и держателем многообразных прагматических коминтерновских связей (вспомним хотя бы о сложившейся ещё в 1920-е годы разветвлённой сети тайных торговых предприятий Коминтерна за рубежом), то замена красного проекта на проект капиталистический была для неё особенно соблазнительна. Ведь кто-то должен стать капиталистом! И этот «кто-то» должен обладать возможностями, в том числе и международными. В связи с этим обращаю внимание читателя на то, что далеко не все прагматические связи были оборваны после официального роспуска Коминтерна в 1943 году. Что эти связи поддерживались и развивались в течение нескольких последую-

щих десятилетий. И что в рамках этих связей обеспечить дрейф в сторону от красных смыслов не составляло особого труда.

В результате перевербовок, прагматизаций, разочарований, очарований, ложных иллюзий на объединение деидеологизированной Европы и иных сходных процессов идеологического, геополитического и экономического мутагенеза сформировался тот самый «мост» между частью советской элиты и весьма влиятельными западными структурами (в том числе, структурами закрытого типа), который мы уже обсуждали ранее, рассматривая странный на первый взгляд сюжет о взаимодействии В. Страды и М. Бахтина.

Напомню, что для начала итальянец В. Страда, который совместно с издателем Д. Фельтринелли содействовал опубликованию на Западе романа Пастернака «Доктор

Живаго» (что повлекло за собой хрущёвскую кампанию против Пастернака и в итоге больно ударило по международному авторитету Хрущёва и СССР), вместо того, чтобы стать в СССР персоной нон грата, был принят в аспирантуру МГУ.

А в 1961 году, уже будучи удалённым не только из аспирантуры, но и из Советского Союза за ревизионизм и антиленинизм, то есть как бы находясь в СССР «на дурном счету», Страда беспрепятственно заключил с М. Бахтиным (который тоже находился в некотором роде «на дурном счету» — его книги не печатались аж с 1929 года!) официальный международный контракт на издание в Италии книги Бахтина о Достоевском.

Добиться этого без содействия определённых (назовём их условно «антихрущёвскими») влиятельных групп в СССР и Италии

было бы абсолютно невозможно. И попытка В. Кожина приписать лично себе успех операции по «выведению Бахтина из забвения» выглядит, мягко говоря, неубедительно.

Но вернёмся к Андропову. В прошлой статье я привела цитаты из интервью Л. Делюсина (ещё одного «либерала из «андроповской шинели»). Делюсин указывает, что при Брежневе вполне жива была запущенная ещё Сталиным антиеврейская тема: *«Руководители нашего государства и партии были настроены против евреев»*. А также противопоставляет «стопроцентного сталиниста» Суслова Андропову, человеку широких взглядов.

(Эту широту очень любят подчёркивать и другие бывшие андроповские консультанты из Отдела по соцстранам. Так, Г. Арбатов вспоминает, что коллектив собранных Андро-

повым консультантов был «одним из самых выдающихся «оазисов» творческой мысли того времени... По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но также всегда важные темы...». По словам Арбатова, такие дискуссии бывали очень плодотворными, ибо Андропов «с самого начала установил (и время от времени повторял) правило: «В этой комнате разговор начистоту, абсолютно открытый, никто своих мнений не скрывает. Другое дело — когда выходишь за дверь, тогда уж води себя по общепризнанным правилам»... Таким образом, разговоры, ведшиеся в «оазисе творческой мысли» и поощряемые Андроповым, выходили за рамки общепризнанных правил.

Был ли Андропов таким уж однозначным

антисталинистом, каким его пытается представить Делюсин?

В своей книге об Андропове известный советский диссидент Р. Медведев пишет, что Андропов был достаточно дистанцирован от Хрущёва (вокруг которого сгруппировались антисталинисты) и не входил в круг его близких соратников. В период после снятия Хрущёва в октябре 1964 года, когда в общественной и культурной жизни страны практически открыто развернулась *«борьба между поднимавшими голову сталинистами и противниками сталинизма»*, Андропов *«сочувствовал последним и сторонникам умеренной демократизации советского общества»*. Однако, добавляет Медведев, *«это сочувствие не переходило в активную поддержку»*.

Итак, Андропова невозможно отнести к

«стопроцентным антисталинистам», ибо он не был близок к Хрущёву и не оказывал активной поддержки противникам сталинизма. Тем не менее, вопрос об «умеренной демократизации страны» он пытался поднять. И это, если верить Ф. Бурлацкому, едва не стоило Андропову карьеры. Бурлацкий вспоминает, что Андропов попросил его написать для Брежнева и Косыгина записку, в которой был бы поставлен *«целый ряд вопросов развития и преобразования страны, в том числе и в политической сфере... Я сообразил, что писать такую записку, антисталинскую, не время. Тем не менее, по непонятным мне причинам, Андропов... попросил написать записку, и я написал записку «О развитии советской демократии».* В документе была фактически описана парламентская система. *«Я предупредил:*

«Юрий Владимирович, Вы можете не получить поддержки у Брежнева и Косыгина по этим вопросам»... но он доложил эту записку... И получил, как говорили в аппарате, полный отлуп...».

Но давайте всё-таки уточним, кого бывшие андроповские консультанты из Отдела по соцстранам (тот же Бурлацкий) зачисляли в сталинисты, а кого в антисталинисты. Каков, с их точки зрения, основной отличительный признак «сталиниста»?

Ф. Бурлацкий, говоря, что *«Сталин был предметом подспудной, но очень острой политической борьбы»*, настаивает на том, что Брежнев, Суслов и многие другие представители высшего руководства страны были в душе сталинистами. И поясняет, что сталинисты — это те, кто придерживался сталинской схемы политического курса. Речь идёт

о «противопоставлении России и русско-го пути развития Западу, Европе». Такая схема «импонировала подавляющему большинству кадров... Мы сами с усами. Мы — русские. Мы — славяне. У нас своя история! Мы — первая страна социализма в мире. Мы пробиваем дорогу всему человечеству. И вся Европа, а потом и другие страны пойдут вслед за нами».

Итак, той части советской политической элиты, которой была близка эта схема «особого русского пути развития», противостояла иная часть, к которой принадлежали, в том числе, «молодые консультанты-интеллектуалы» из андроповского Отдела по соцстранам (соответственно, это и есть антисталинисты). Позицию этой части можно охарактеризовать опять-таки словами Бурлацкого: «До сих пор мы считаем себя

не частью Европы, а психологически отдельной страной... Это хотел переломить Пётр I и многого добился. Но, в сущности, после Октября мы вернулись именно к этому... Советская власть появилась как антизападная власть. Я всегда придерживался такой точки зрения, что тенденция быть западной страной... должна восторжествовать в России. Потому что весь мир повернулся к опыту Западной Европы... Западная политическая система, западная система ценностей... это лучшее из того, что было создано человечеством... Убеждён, что мы должны идти путём Запада».

Каково было хотя бы примерное соотношение сторонников «особого русского пути развития» и «западников» в высшем руководстве страны в постхрущёвскую эпоху?

Бурлацкий рассказывает, что вскоре после прихода Брежнева к власти Андропов рекомендовал его (Бурлацкого) Брежневу в качестве хорошего «речеписца». И Бурлацкий получил приглашение поучаствовать в подготовке доклада, с которым Брежнев должен был впервые предстать перед общественностью в качестве нового первого секретаря ЦК КПСС. В ходе личного разговора с Брежневым Бурлацкий понял, что *«Леонид Ильич относился к Сталину очень хорошо... И хотел в докладе сделать большой пассаж по поводу исторической роли Ленина и исторической роли Сталина»*. На что Бурлацкий возразил: *«Леонид Ильич, если Вы скажете что-нибудь положительное о Сталине, то Вас поддержат пятьдесят процентов партийных кадров и пятьдесят процентов населения*

страны, а половина будет против». . . Андропов занял сходную позицию (в итоге в докладе Брежнева была лишь одна строка о Сталине — говорилось, что накануне, в ходе и после Великой Отечественной войны Сталин руководил страной). И при этом велел Бурлацкому «спрятать в стол» адресованную Брежневу записку о Сталине и преодолении культа личности, «потому что, по меньшей мере, половина представителей руководства страны и, в особенности, партии будет против».

Итак, Бурлацкий утверждает, что соотношение сталинистов и антисталинистов при Брежневе было примерно пятьдесят на пятьдесят. При этом, по определению Бурлацкого, сталинисты — это те, для кого самым главным в личности и политике Сталина были его приверженность представлению об особом

пути развития России и противопоставление России (СССР) — Европе. А антисталинисты — те, кто категорически отвергал тезис об особом пути развития России, настаивая на том, что этот путь тупиковый, и что необходимо идти западным путём.

Если следовать такому определению, то Андропов, как и Куусинен, — антисталинисты, ибо хотели сделать возможным вхождение России (СССР) в Европу, пусть даже за счёт отсечения от красной империи части её национальных окраин (между тем, существование целостной красной империи было для Сталина непреложной ценностью).

Но что было делать с «пятьюдесятью процентами» сталинистов — сторонников «особого русского (советского) пути развития»? Точны ли проценты Бурлацкого — сейчас не имеет значения. Число тех, кто хотел этого

особого пути, было велико. Соответственно, они являлись серьёзнейшим препятствием на пути реализации проекта «вхождения в Европу». И только соблазнив хотя бы часть из них проектом новой Русской империи (или Православной империи, как это называет Байгушев) — самобытной, идущей особым путём, но отбрасывающей при этом бóльшую часть национальных окраин, — можно было рассчитывать на успех. По сути, речь шла о создании «русско-националистического» двойника «западнического» проекта. И проект, и его двойник, будучи прямо противоположными, враждебными друг другу по риторике, служили единой цели — уничтожению красной империи, в том числе путём усекновения её территории за счёт национальных окраин.

Однако этот «русско-националистический двойник» предстояло ещё создать. А для его

создания необходима была яркая харизматическая фигура, вокруг которой могло бы оформиться ядро будущих реализаторов указанного проекта. И ставка была сделана на Бахтина.

Но об этом мы поговорим в следующей статье.

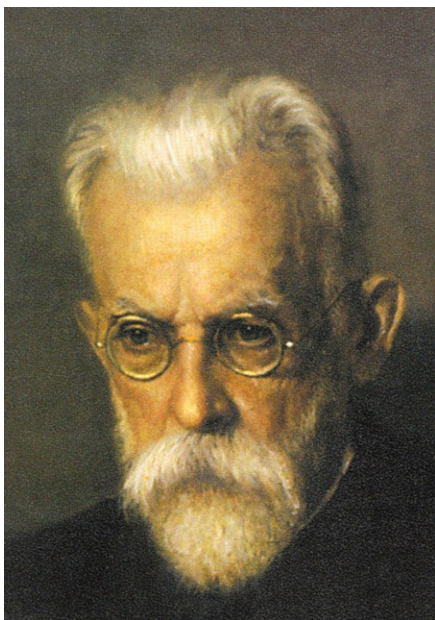
Анна Кудинова

Классическая война

Наука и обороноспособность в России. На переломе эпох

Систему специализированных научных институтов, ориентированных одновременно на фундаментальные исследования и прикладные работы, стали называть «боль-

шой наукой», а западные страны
принялись копировать это совет-
ское ноу-хау

Академик Вернадский

Несмотря на довольно быстрый промышленный рост в конце XIX века, научная и технологическая самодостаточность России оставалась крайне низкой. Конечно, были собственные исследования и изобретения, но они редко касались базовых технологий промышленного производства. «Открытость» Европе и США бурно развивавшегося, но всё ещё слабого российского капитализма в технологической области скорее напоминала колониальную зависимость.

Достаточно сказать, что с началом Первой мировой войны, как только экспорт-импорт между Россией и Германией был закрыт, в российской промышленности начался хаос: она оказалась не в состоянии заменить покупаемые за рубежом военные товары собственными. Лишь через год после начала войны военным руководством страны было при-

нято решение (только решение!) развивать собственное производство автомобилей, воздушных аппаратов, химикатов, радио, оптических устройств и других промышленных товаров военного назначения.

Привычка опираться на импортную промышленную технологию в России сложилась задолго до войны. Если в гражданской промышленности иностранная зависимость в основном навязывалась иностранными же инвесторами, то в военной промышленности, где большинство заводов принадлежало государству, такая зависимость была следствием долговременной традиции, сложившейся в военном ведомстве. Лишь в редких случаях в промышленное производство запускались отечественные изобретения и наработки — преобладающей стратегией являлись закупка и копирование иностранных образцов, в первую

Наука и обороноспособность в России 66
очередь, германских.

Как писал генерал-лейтенант А. А. Маниковский, начальник Главного артиллерийского управления, а затем помощник военного министра по снабжению, *«Германия снабжала весь мир, включая Россию, орудиями войны, а мы платили свои деньги за развитие дорогостоящей германской военной промышленности»*.

Вот и в начале мировой войны первым побуждением военного руководства России было обратиться к союзникам — Англии, Франции, США — и к нейтральным странам с просьбой о поставках оружия и о приобретении новых технологий. Дошло до того, что военные заказы размещали у недавнего врага — у Японии.

Но, несмотря на огромные расходы, почти ничего из заказанного получено не было. Аме-

Наука и обороноспособность в России 67

риканская промышленность, слава которой оказалась сильно преувеличенной, с заказами не справилась: гражданские заводы Америки не сумели добиться необходимой для производства оружия точности изготовления деталей. А Франция и Англия сами до предела загружали свою военную промышленность, и на долю русского союзника оставались лишь крохи. Нейтральные же страны в силу своей маломощности просто не могли справиться с огромными военными заказами.

Кризис недовооружённости нарастал, между тем на фронтах каждый день промедления с поставками военной техники и боеприпасов приводил к огромным человеческим жертвам. Вот что писал один из командиров корпусов военному министру А. А. Поливанову, требуя срочно поставить в действующую армию артиллерийские

Наука и обороноспособность в России 68
снаряды:

«Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землёй всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников землёю. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь. Они идут вперёд, окрылённые успехом, и потому дерзают; мы, ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим».

Когда надежды на чужую помощь окончательно рухнули, процесс модернизации русской военной промышленности был, наконец, запущен. С большим запозданием, лишь ко второму и третьему году войны, он начал набирать обороты.

Война стала катализатором не только модернизации военной промышленности, но и отечественных научных разработок в этой об-

До войны российская наука по традиции стремилась быть «чистой» — практически, «прикладными» исследованиями она пренебрегала гораздо откровеннее, чем утилитарная в своей основе западная наука. Впрочем, и сама российская промышленность, почти целиком ориентированная на заимствование с Запада, не предлагала отечественным учёным почти никаких сфер применения их работам. Война резко и драматично изменила сложившиеся приоритеты — патриотическое чувство и неотложные нужды фронта вынудили учёных вплотную заняться животрепещущими военными проблемами.

При этом война впервые поставила вопрос о комплексности — уже не могло существовать отрыва между «кабинетным» периодом работы учёного и «производственным» пери-

одом инженерного воплощения — любая идея тут же должна была поверяться практикой.

Именно поэтому ведущие и наиболее дальновидные отечественные учёные (К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, В. Н. Ипатьев и др.) заговорили о реформе научных организаций, их сближении с практическими потребностями страны. Они ратовали за создание целой сети специализированных институтов, где были бы собраны воедино крупные коллективы учёных (наука) и инженеров (технология). Усилия этих коллективов следовало направить на междисциплинарные проекты, дающие толчок развитию всей экономики в целом, причём не только на период войны, но и на длительную перспективу.

Однако в условиях войны эти проекты никак не могли быть осуществлены. Чуть ли не единственным исключением стало созда-

Наука и обороноспособность в России 71

ние российской химической промышленности — вследствие настоящей потребности во взрывчатых веществах и благодаря огромным организационным усилиям В. Н. Ипатьева. Но после революции и выхода России из войны проект создания сети специализированных институтов вновь оказался востребован. Буквально спустя несколько месяцев после революции он был одобрен и принят Советским правительством.

Одним из первых прообразов таких институтов стала Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданная по инициативе В. И. Вернадского. Вернадский, на которого война и её чрезвычайные тяготы для страны оказали огромное воздействие, настойчиво убеждал, что главной задачей, с которой столкнётся русская наука после войны, будет не соперничество в

другими странами в сфере чистой науки, а исследование собственных природных ресурсов России и их использование в промышленности. В докладе «Об изучении естественных производительных сил России» в апреле 1915 года он говорил:

*«Русское общество внезапно осозна-
ло свою экономическую зависимость от
Германии, которая нетерпима для бога-
той страны и для энергичной сильной на-
ции... Одно из следствий, а также и
одна из причин экономической зависимо-
сти России от Германии — чрезвычай-
ная недостаточность нашего знания при-
родных и производительных сил, которые
Природа и История даровали России».*

В качестве первого шага Вернадский пред-
ложил подготовить серию подробных обзоров
имеющихся сведений о российской энергии,

минералах, рудах, растениях, животных и химических фабриках. Через год эти отчёты были опубликованы. На следующий 1916 год КЕПС предложила создать исследовательские институты и лаборатории для изучения платины, физико-химического анализа, гидрологии, сплавов и металлографии, нефти. Это не было осуществлено ни царским, ни Временным правительством — сделали это большевики.

Нельзя сказать, что отношения учёных и Советской власти были безоблачными, но можно смело утверждать, что большевики были готовы терпеть политическую разнородность в среде учёных, ставя лишь два условия: неучастие учёных в антисоветской политической деятельности и их патриотизм, не обязательно ярко-красного цвета. Конечно, не обходилось и без острых эксцессов, по-

добных высылке профессоров и творческих деятелей за границу в 1922 году, но в целом учёные и инженеры, готовые работать на благо страны, получили такую возможность.

Одним из первых согласился сотрудничать с новой властью патриарх отечественной науки К. А. Тимирязев. Он был по политическим взглядам демократом, но поддержал большевиков в самые первые послереволюционные дни и как пацифист, и как патриот. По личному указанию В. И. Ленина был опубликован сборник выступлений знаменитого учёного «Демократия и наука», а авторитет Тимирязева помогал привлечь других академических учёных к сотрудничеству с властью.

Знаменитый химик генерал В. Н. Ипатьев был убеждённым монархистом и не приветствовал не только Октябрьской, но даже Февральской революции. При этом он

не верил в утопические цели большевиков. Но он хорошо понимал, что они — единственная сила, способная вывести страну из кризиса. Поэтому он сам без колебаний пошёл на активное сотрудничество с новой властью и убеждал своих коллег, что в трудные для страны времена интеллигенция не должна вступать в оппозицию Советскому правительству. Монархист В. Н. Ипатьев в мае 1920 г. был назначен начальником Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства, а впоследствии как член коллегии ВСНХ он успешно курировал всю химическую промышленность и исследования по химии.

Лидер либеральной оппозиции Московского университета и его ректор биолог М. М. Новиков весьма успешно сотрудничал с Наркоматом промышленности в качестве гла-

вы московской комиссии научных экспертов, хотя периодически устраивал политические забастовки университетских профессоров.

Долго не принимал идей советской власти В. И. Вернадский, который был либералом и министром просвещения Временного правительства. До 1920 года, окончания Гражданской войны, он предлагал свои идеи по изучению производительных сил России украинским националистам, генералам белой армии, но и его КЕПС, и интересы России всем этим силам были чужды. Поняв это, Вернадский не эмигрировал с остатками белого движения из Крыма, а вернулся в Петербург для работы в Российской академии наук.

Большевики поставили перед Академией наук задачу «рационального развития промышленности и рационального распределения экономических сил страны». Уже 12 ап-

реля 1918 года Советское правительство одобрило финансирование КЕПС, детища Вернадского, позволявшее приступить к широкомасштабной деятельности. Два первых института: для физико-химического анализа и для платиновых и драгоценных металлов, предложенные КЕПС — приступили к работе летом 1918 года, следом за ними открылись институты гидрологический, глинозёма и радия.

Такие научно-производственные центры обладали целым рядом преимуществ по сравнению с традиционными формами консультаций и экспертизы учёных при решении той или иной производственной проблемы.

Определяющую роль в таких центрах играли именно учёные, предлагающие новые идеи и контролирующие все этапы их воплощения. Инженеры и технологи в хорошо осна-

щённых лабораториях и опытных цехах превращали идеи в реальные изделия, готовые к испытанию. Производственники, в свою очередь, при помощи учёных и инженеров, запускали готовые изделия в серию. При такой системе работы государство, финансировавшее и исследования, и производство, могло не только концентрировать на прорывных направлениях большие интеллектуальные силы, но и системно распоряжаться деятельностью таких институтов на долгосрочную перспективу.

Эта форма исследовательско-производственных комплексов во главе с Академией наук в качестве высшего административного органа сложилась не сразу, но важно было то, что в хаосе и бурях революции и Гражданской войны новая социалистическая власть не только сумела

взять всё полезное и важное из научного багажа прежней России, но и воплотила наиболее перспективные научные и организационные идеи в жизнь.

При этом Советская власть действовала с абсолютным бесстрашием. Профессор Д. С. Рождественский, эксперт мирового класса в области оптики и спектроскопии, в ответ на запрос главы ВСНХ о возможности возобновления производства биноклей для Красной Армии предложил ни много ни мало возродить всю отечественную оптическую промышленность, поставив во главе научный институт. Через месяц был получен положительный ответ о создании Государственного оптического института, которому поручалось решить эту огромную задачу.

А чуть позже Д. С. Рождественский был командирован в Германию с астрономической

по тем временам суммой в 200 тысяч валютных рублей для закупки научной литературы и инструментов. Помогла инфляция в Германии — учёный закупил такое количество высококлассной аппаратуры, что Оптический институт смог развернуть исследования сразу по нескольким направлениям: спектроскопии и квантовой теории, технологии оптического стекла, конструкции оптических приборов, физической и электронной оптике, фотографии, фотометрии, фотохимии. Благодаря этим исследованиям и новой фабрике СССР смог в 1927 году полностью прекратить импорт оптического стекла.

Так идея создания специализированных научных институтов, ориентированных одновременно на фундаментальные исследования и прикладные работы, воплощалась в жизнь. Вскоре такую систему стали называть «боль-

Наука и обороноспособность в России 81
шой наукой», а западные страны принялись копировать это советское ноу-хау.

В Америке эта организационная форма появилась лишь перед Второй мировой войной в виде национальных лабораторий, находящихся под полным контролем и при обязательной поддержке государства. Но неоспоримый приоритет её создания принадлежит русской и советской науке. Её гигантские возможности были подтверждены уже позднее, в предвоенные годы и в ходе Великой Отечественной войны.

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

Наша война

Человечина под соусом аполитичности — 4, или Псевдогуманизм на службе капитализма

Неважно, что думает о себе, своей деятельности и своей науке сам учёный, а также что думает о нём общественное мнение и научное сообщество, — отказ от осознания общественно-гуманитарной, актуально- и, так сказать, экзистенциально-политической значимости собственных исследований приводит учёного в стан врага человечества в виде его лакея различной звёздной величины

Абрахам Маслоу

В предыдущей статье мы остановились на том, что перед наукой как социальным институтом, перед всеми учёными вместе и перед каждым учёным в отдельности «выбор простой — либо социальная ответственность и наука, либо аполитичность и сдача на милость победителя». Кто же этот «победитель», спросит читатель. Ну... скажем, капитализм. Современный капитализм постмодернистского образца. Неолиберальный капитализм. Капиталистический либерал-фашизм. В общем, победителем будет некий (воображаемый) субъект, который ненавидит человека и человеческое. Который превращает людей в товар, который низводит людей до животных (если не до овощей). Для которого невыносима сама идея развития человека и прогресса человечества. Вслед за С. Е. Кургияном мы, наверно, могли бы назвать его

врагом человечества...

В общем, если наука и учёные отрещи-
ваются от «социальной ответственности», то
есть от осознания того, на кого они рабо-
тают, а тешат себя розовыми иллюзиями о
«чистой» науке, «аполитичности» и пр. не
наблюдаемыми в реальности вещах, то они
неизбежно и неумолимо становятся мелки-
ми или крупными — в зависимости от та-
ланта — прислужниками этого самого вра-
га человечества. И неважно оказывается, что
думает о себе, своей деятельности и своей
науке сам учёный, а также что думает о
нём общественное мнение и «научное сообще-
ство», — в любом случае отказ от осознания
общественно-гуманитарной, актуально- и, так
сказать, экзистенциально-политической зна-
чимости собственных исследований приводит
учёного в стан врага человечества в виде его

лакея различной звёздной величины, кладущего свою жизнь на всемерное увеличение возможностей этого самого врага.

Именно таким образом очевидно вражескими оказываются целые научные направления, совершенно, казалось бы, для этого не предназначенные, а наоборот, предназначенные вроде бы для прославления человека и его возможностей, всемерного их развития и расширения. Иначе чем объяснить, что такие «гуманистические» вроде бы науки, как генетика, психология, социология, антропология, социобиология, даже история уже стали или на наших глазах становятся авангардом антигуманистического наступления на человечество?

О генетике мы уже немного говорили. И убедились, что пренебрежение «социальным смыслом» исследований приводит к то-

му, что результаты этих исследований (возможно, проведённых из самых что ни на есть «чистых» научных побуждений) используются в весьма сомнительных (а если называть вещи своими именами — так и просто в грязных) политических целях. Которые очевидно суть цели античеловеческие и антигуманные.

Мы обещали читателям рассказать о так же льющих воду на мельницу либерал-фашизма, современного капитализма и антигуманизма исследованиях в области антропологии, социобиологии, психологии общей и психологии социальной и пр. И собираемся выполнить это обещание. Но прежде хотелось бы разобрать один исключительно показательный пример.

Любой человек, когда-либо хоть чуть-чуть интересовавшийся психологией, а также изучавший одну из модных современных дис-

циплин (язык не поворачивается назвать их науками, хотя многие в этих дисциплинах даже диссертации защищают и «научные» книги пишут) вроде маркетинга и менеджмента, обязательно знает имя известнейшего американского психолога Абрахама Маслоу. Да-да, того самого автора «пирамиды Маслоу» — пирамиды человеческих потребностей. Помните?

Пирамида Маслоу

Быстро вспоминаем (кратко и схематично): Маслоу описал человека как «желающее существо», потребности которого требуют постоянного удовлетворения. Потребности человека носят врождённый характер и организованы в иерархическую систему.

В основании этой иерархической пирами-

ды — физиологические потребности (5); выше — потребности безопасности и защиты (4); ещё выше — потребности принадлежности и любви (3); далее — потребности самоуважения (2); а завершают пирамиду потребности самоактуализации или личного самоусовершенствования (1).

Удовлетворение потребностей, расположенных на самом низком уровне (т.е. физиологических), делает возможным осознание потребностей вышележащего уровня. Чем выше человек поднимается в этой иерархии потребностей, тем большую индивидуальность, человеческие качества и психическое здоровье он демонстрирует.

Наиболее полно воплощают человеческую сущность особый тип людей — самоактуализирующиеся личности (1% человечества). Самоактуализирующихся мало, потому что лю-

ди не осознают своего творческого потенциала или боятся успеха (обратим внимание на слово «успех»).

Маслоу выделяет две глобальные категории мотивов человека: дефицитарные (мотивы нужды) и роста (мотивы развития или метапотребности).

Этим двум глобальным мотивам человека соответствуют два образа жизни.

Первый — это жизнь Д (дефицитарная) или образ жизни, ориентированный на удовлетворение нужды (дефицита) и выполнение требований общества.

Второй — это жизнь Б (бытийная) или образ жизни, направленный на полную реализацию своих возможностей.

Правда, красиво и... как бы это сказать... подходяще звучит? «Полная реализация своих возможностей»... Самоактуализирующи-

еся личности... Рассмотрим эту красоту повнимательнее.

Абрахам Маслоу (который, конечно, никакой не «оу», а просто Маслов) во всём мире считается не только выдающимся психологом, но выдающимся представителем *гуманистической* психологии и вообще выдающимся *гуманистом* (деталь: в 1967 году Американская ассоциация гуманистов (чего только нет в Америке!) назвала Абрахама Маслоу гуманистом года! — как вам?). И именно потому «случай Маслоу» кажется нам почти идеальным примером для исследования процесса превращения «чистого учёного» с чистейшими намерениями и гуманистическими без всяких шуток ценностями в пособника врага человечества.

Действительно, если читать Маслоу не очень внимательно, то он и в самом деле ка-

жется исключительным гуманистом. Но даже если читать внимательно, то от стены благих пожеланий, «правильных» слов и пафосных маловразумительных фраз отскакивает всякая возможность понимания, оставляя после себя дымовую завесу из невнятных впечатлений, который каждый читатель не извлекает из текста, а приписывает ему. И только совсем уж привередливое чтение позволяет увидеть, что за этой дымовой завесой стоит совершенно неожиданное (и совсем не гуманистическое) содержание.

Вот пример из книги «Мотивация и личность» (1970), главы «Новые рубежи человеческой природы»:

«Одно из оснований . . . состоит в моём убеждении в теоретической необходимости того, чтобы проектируя хорошее общество, Эвпсихию, отделить руко-

водство от привилегий, эксплуатации других, собственности, роскоши, статуса, власти над другими людьми и т.п. (Здесь и далее выделено нами — Авт.; «отделить» — это хорошо, конечно, вопрос — как это сделать?!) Единственный путь, который я вижу, для того чтобы защитить более способных, лидеров и менеджеров, от ненависти и бессильной зависти слабых (понимаете, кого надо защищать и от кого? — то-то же!), лишённых привилегий, менее способных, нуждающихся в помощи, короче говоря, от «дурного глаза» или от реванша побеждённых, состоит в том, чтобы платить им не больше денег, а меньше, предложив им вместо этого оплату более высокого типа (перевод: платить надо меньше, но давать больше «нематериального» — признаков статуса, знаков уваже-

ния и пр.; всё это блестяще осуществлено к настоящему времени: сейчас у каждого совершенно бесправного работника, например, официанта, которому платят гроши, в любой момент могут вышвырнуть на улицу и т.п., есть «престижный» айфон, «престижные» штаны и «престижная» туалетная бумага) и «метаоплату». Из принципов, изложенных здесь, а также в моей книге «Эвпсихическое управление» (Maslow, 1965), следует, что это удовлетворило бы как самоактуализирующихся (подчеркнём, что ни в одной работе Маслоу нет внятного описания, кто эти «самоактуализирующиеся», как их опознать) людей, так и менее развитых психологически (!!!) и прервало бы развитие взаимоисключающих и антагонистических классов и каст (вы

поняли? — раздача знаков престижа и статуса уничтожит классы!), которые мы наблюдаем на протяжении человеческой истории. Всё, что требуется, чтобы сделать практически достижимой эту постмарксистскую, «постисторическую» возможность, — это научиться не слишком высоко ценить деньги (и всего-то — научиться презирать деньги, и будет вам счастье), больше ценить высшее, чем низшее. Кроме того, было бы необходимо десимволизировать деньги: они не должны (повторяем все вместе 1 000 раз «они не должны»!) символизировать успех, выступать как основание для уважения и любви».

Вот такой вот гуманизм. И это всё написано после Гегеля и Маркса, после Ленина и Великой Октябрьской социалистической революции, после двух ужасных эконо-

мических кризисов, после двух страшных мировых войн, после книг Бруно Беттельхейма и Виктора Франкла (с которыми Маслоу был лично знаком), переживших фашистские концлагеря и мучительно пытавшихся понять, как такое стало возможным... После всего этого всерьёз считать, что можно изменить мир путём снижения субъективной значимости денег на индивидуальном уровне, тут же предлагая уменьшить зарплаты — это... Ну, даже не знаем, как сказать...

Впрочем, давайте по порядку.

Итак, Абрахам Харольд Маслоу. Как пишет профессор психологии МГУ Д. А. Леонтьев в статье «Абрахам Маслоу в ХХІ веке», опубликованной в «Журнале Высшей школы экономики» (и тут они!), Маслоу — *«один из самых ярких и блестящих психологов ушедшего века, пророк и революционер*

в науке». Абрахам Маслоу родился 1 апреля 1908 г. в Нью-Йорке, в семье эмигрантов из России. Его родители за несколько лет до этого приехали в США из-под Киева с волной еврейской эмиграции за океан, вызванной притеснениями, погромами, бедностью и бесперспективностью. Он был старшим ребёнком в, как теперь сказали бы, многодетной семье, у него было ещё трое братьев и три сестры. Отношения в семье были плохие: родители всё время ссорились, а когда дети подросли, родители развелись. На Абрахаме как самом старшем естественно всегда лежала ответственность за младших и обязанность поддерживать семью. Кроме того, он рано женился — в 20 лет, что также добавило ему ответственности и обязанностей.

Маслоу поступил в городской колледж Нью-Йорка, затем в Корнельский универси-

тет, начинал специализироваться по философии, потом переключился на психологию. *«Интересы его всегда были весьма широкими: когда отец спросил у него, что он собирается изучать в колледже, Абрахам ответил: «Всё», — пишет Д. А. Леонтьев.*

В молодости Маслоу, как и многие молодые люди, был захвачен стремлением к переустройству мира, его занимали социалистические учения, философия. Кроме того, он был полон благих чувств и намерений в отношении человека и человечества, ему казалось, что он сможет предложить что-то действительно новое для улучшения общества и отношений человека с ним. Поразительно, но при таких благородных намерениях он как-то совершенно не интересовался обществом, а был склонен к изучению человека, так сказать, *in vitro*, самого по себе, вне общества и

даже без учёта его реального влияния. Однако мир к лучшему он собирался изменять всерьёз — хотя бы на ниве психологии. И что самое поразительное, многие уважаемые психологи думают, что это ему удалось. Читаем Д. А. Леонтьева:

«Биографы А. Маслоу приводят эпизод, когда он однажды спросил студентов, у которых вёл занятия: «Кто из вас планирует стать великим психологом — вторым Фрейдом?» И когда студенты в изумлении уставились на А. Маслоу, он ответил: «Ну, если не вы, то кто же?». Одной из самых важных черт, которые А. Маслоу выявил у самоактуализирующихся людей, было ощущение призвания, миссии. Ему всегда было свойственно ощущение своей миссии: разрушить модный в то время цинизм во взглядах на

человека и на общество, предложив более воодушевляющую, более обнадеживающую и, тем не менее, реалистическую картину человека и личности человека. Он считал, что необходима новая философия человека, новая «эра просвещения». И он действительно сделал в этой области очень много не только через свои тексты, своё учение и свою научную работу, но он ещё и оказался социальным революционером, создавшим мощное общественное движение, порождавшим идеи и внедрявшим их в жизнь общества. Сейчас многие согласны, что мало кто в такой степени, как он, изменил общие воззрения американского общества». Тут требуется некоторое пояснение. Маслоу, как нам кажется, действительно изменил «общие воззрения американского общества». Но как? Если рань-

ше считалось, что людей можно мотивировать только кнутом страхом неудовлетворения низших потребностей (в терминах Маслоу), то есть страхом потерять работу (а вместе с ней и возможность удовлетворять потребность в пище), страхом потерять жильё (и возможность удовлетворить потребность в безопасности, например) или страхом физического наказания, на худой конец, то теперича (после Маслоу) не то, что давеча! Теперь американское общество осознало, что можно мотивировать и пряником положительными стимулами вроде возможности «престижного» потребления всего и вся (и возможности таким образом удовлетворить потребности в признании, статусе, в творчестве и самоактуализации).

Едем дальше в исследовании творческого пути Маслоу и формирования его «гумани-

стической» психологии.

Первый цикл экспериментальных работ А. Маслоу, принёсших ему известность в профессиональных кругах в 1930-е гг., был посвящён изучению социального поведения приматов. *«Тогда он изучал теории Зигмунда Фрейда и Альфреда Адлера и захотел разрешить вопрос о том, кто из них прав в отношении ведущих движущих сил развития личности: является ли определяющим сексуальное влечение или стремление к доминированию. (Обращаем внимание читателя, что никаких других гипотез относительно «движущих сил развития личности» выдвинуто не было и не проверялось, то есть личность априори может быть мотивирована только либо сексуальностью, либо доминантностью). Изучая социальное поведение и сексуаль-*

ность низших обезьян (то есть желая исследовать развитие личности человека, изучаем низших обезьян!), он экспериментально подтвердил гипотезу, что именно социальное поведение, место обезьян в иерархии детерминировало их сексуальность, но не наоборот. (Строго говоря, он доказал, что если бы Адлер и Фрейд были озабочены психологической помощью низшим обезьянам, то надо было бы пользоваться построениями Адлера, а не Фрейда. Другое дело, что и Фрейда, и Адлера интересовало совершенно другое, значительно более гуманистические проблемы). Оказалось, что фактически все формы сексуального поведения обезьян служили выяснению отношений власти, доминирования и подчинения. Это поведение использовалось как оружие в про-

яснении структуры социальных отношений. Руководитель его диссертации Гарри Харлоу несколько десятилетий спустя оценивал эти работы так: «Сказать, что они опережали своё время, было бы огромным преуменьшением». Исходя из этого А. Маслоу сформулировал оригинальную теорию сексуальности приматов, обусловленной социальной иерархией. Опираясь на эти исследования, он начал планировать аналогичные исследования на людях (как говорится, без комментариев)».

Хотя нет, неправильно, — тут имеет смысл сказать, что планирование повторения экспериментов на людях означает, что Маслоу всерьёз считал, что можно по поведению низших обезьян хоть что-то предполагать и о поведении человека. Это, безусловно, смелое

предположение, и именно оно, как покажет дальнейшее изучение трудов Маслоу, лежит в основе всей его «гуманистической» теории. Маслоу считал, что *все* не только низшие, но и высшие (по его классификации) потребности имеют биологическую инстинктивную природу, приданы человеку от рождения и не имеют никакого отношения к обществу. Более того, он всю жизнь яростно «сокрушал» теории различных столпов психологии от бихевиористов до Фромма и Хорни, которые считали, что общество всё-таки как-то участвует в формировании человека, презрительно называя их «средовиками». Даже более того, он считал, что единственный способ удовлетворения и даже осознания высших потребностей — в признании, в творчестве, в самоактуализации — это блокирование негативного влияния культуры и общества на человека.

Маслоу считал, что общество по самой своей сути не может не препятствовать стремлению человека к самоактуализации — ведь любое общество стремится сделать человека своим шаблонным представителем, отчуждает личность от её сути, делает её конформной.

Итак, Маслоу решил, что надо проводить на людях исследования, аналогичные тем, которые он проводил на низших обезьянах. В полном соответствии с этими намерениями, Маслоу в то время считал, *«что самый прямой и лёгкий путь помочь человечеству лежит через изучение проблем секса. «Если бы я нашёл способ улучшить сексуальную жизнь на один процент, можно было бы улучшить жизнь всего человечества».* Что ж, мысль по-своему гуманистическая, если вникнуть. И очень перекликается с современными, без со-

мнения ультрагуманистическими, движениями в защиту ЛГБТ-существ (это слово употреблено не в уничижительном смысле, а исключительно из соображений политкорректности, потому что все остальные слова, которые тут уместны, имеют мужской или женский род, что, конечно, недопустимо), ювенальной системы и сексуального просвещения с младенчества.

Эксперимент на людях таки был проведён, но его результаты помочь человечеству явно не смогли. Более того, они вызвали даже некий скандал, потому что соотношение сексуальности и доминантности у женщин Маслоу изучал непосредственно по месту работы — в своём университете. И Маслоу сменил место работы и направление своих раздумий. Он начал думать о мотивации людей (а не низших обезьян). Леон-

тьев пишет: «Постепенно сложилось представление о существовании особого типа людей (уже как-то тревожно, не правда ли?) — самоактуализирующихся личностей, максимально выражающих человеческую сущность. А. Маслоу предпринял обширное исследование (в основном по литературе — Авт.) самоактуализирующихся личностей с целью выявить характерный комплекс их психологических особенностей. При этом А. Маслоу формулировал для себя главный вопрос нетрадиционным образом: не «как возникают гении вроде Бетховена?», а «почему мы все не Бетховены?». «Я мыслю самоактуализирующегося человека не как обычного человека, к которому что-то добавлено, а как обычного человека, у которого ничего не отнято».

Надо сказать, что это очень интересный подход, который многое проясняет в теории Маслоу. По Маслоу, все базовые потребности (то есть вся его «пирамида») даны человеку при рождении — заданы биологически в виде инстинктивных побуждений. А общество потом подавляет (или отнимает) некоторые из них. Соответственно, по Маслоу, самоактуализирующийся человек (и это в некотором смысле следует из самого названия этого «особого типа людей») — это человек, у которого всё биологически заданное раскрыто, все инстинкты работают, все потребности удовлетворяются, а не задавлены «страшной» культурой. А дальше Маслоу приступил к исследованию условий, при которых это чудесное самораскрытие заложенных в человека инстинктов может осуществиться.

В работах А. Маслоу последовательно раз-

ворачиваются пять (!) различных пониманий самоактуализации.

В первом понимании (при выделении и описании типа самоактуализирующихся личностей) самоактуализация выступала у А. Маслоу как особый уровень личностного развития.

Во втором понимании (в соответствии с теорией базовых потребностей — первой теорией мотивации А. Маслоу) самоактуализация представала как потребность, актуализирующаяся после удовлетворения большинства остальных потребностей.

В третьем понимании (согласно теории мотивации нужды и мотивации роста — второй теории мотивации А. Маслоу) самоактуализация представала как универсальная движущая сила, побуждающая процессы развития на всех уровнях.

В четвёртом понимании (согласно концепции пиковых переживаний) самоактуализация выступила как состояние, кратковременно доступное в принципе каждому человеку.

Наконец, *в пятом понимании* (в соответствии с психологией Бытия и теорией метамотивации — третьей теорией мотивации А. Маслоу) самоактуализация оказалась лишь порогом, отделяющим от нового уровня существования, переходом от Становления к Бытию.

Отметим, что все эти «понимания» так же красивы, как и бессодержательны. Что такое «уровень личностного роста» или «порог, отделяющий от нового уровня существования»? Только буйная фантазия читателей и почитателей Маслоу может усмотреть в любом из этих «пониманий» что-то себе созвучное и ин-

формативное.

Для тех же, кто такой фантазией не обладает, в работах Маслоу есть ещё пятнадцать (!!!) признаков самоактуализирующейся личности (которых, напомним, всего 1% в популяции, хотя всё необходимое для самоактуализации заложено в каждого человека изначально).

Основные характеристики самоактуализирующейся личности, по Маслоу, таковы:

- более адекватное восприятие реальности;
- принятие себя, других и природы;
- непосредственность, простота и естественность;
- центрированность на проблеме (т.е. поглощенность деятельностью);

- независимость, которая проявляется, в том числе, в потребности в уединении;
- автономия, т.е. относительная независимость от культуры и окружения;
- свежесть восприятия окружающих явлений;
- вершинные или мистические переживания;
- общественный интерес, проявляющийся, в том числе, в стремлении помочь другим людям;
- глубокие межличностные отношения;
- демократический характер;

- разграничение целей и средств их достижения, которое основано на сложившейся иерархии ценностей;
- философское чувство юмора;
- креативность;
- сопротивление окультуриванию (т.е. определённой устойчивостью к давлению социальных норм).

Если бы мы были более радикально настроены, то мы бы, конечно, сказали, что смысл этого списка аналогичен пословице «лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным», и что самоактуализирующиеся личности, по Маслоу, — это те самые «здоровые и богатые». Ну, и ещё демократичные, креативные, неконформные, непосред-

ственные, целеустремлённые... список можно продолжать до бесконечности.

Но мы не так радикальны. И скажем (пока) что стоит исследовать этот список на предмет того, что же в нём, а также во всей теории Маслоу такого «гуманистического», что так восхищает уже не одно поколение либеральных психологов, управленцев, а также владельцев заводов, газет, пароходов.

Но придётся это сделать уже в следующей статье.

Юлия Крижанская, Андрей Сверчков

Социальная война

Российская бедность — 2 (продолжение)

Существует определённый консенсус большинства россиян относительно «особого пути» России и невозможности для неё копировать западный путь. Здесь качественных расхождений между бедными и небедными нет, так же как и между представителями разных поколений

В комнате отдыха жилищно-бытового кооператива на Адмиралтейской наб.,
1927–28 г.

Так сколько же бедных в нынешней России? Точный ответ на этот вопрос невозможен, коль скоро реально бедные люди в силу ряда причин — психологических, куль-

турных, социальных и иных — отказываются признавать себя бедными. Цифра Росстата, согласно которой бедных в нынешней России всего лишь 8–9%, не вызывает ничего, кроме удивления. Но даже если специалисты, проводившие исследование «Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя», правы, и бедных в России всего лишь около 30% (а это вовсе не факт), то и это тоже совсем не мало. При этом положение тех, кто остался бедным или стал им в последнее время (в период 2003–2013 гг.), ухудшилось.

Как мы уже отмечали, отношение к бедным со стороны общества изменилось. В ответ на установку «бедным быть стыдно» малоимущие граждане стараются приукрасить своё положение. Возникает, например, ситуация, когда уровень реальных доходов снижается, а обеспеченность товарами длительно-

го пользования (ТДП) растёт. И хотя среднее число ТДП в бедных домохозяйствах в 1,5–2 раза меньше, чем у небедных россиян, тем не менее у большинства бедных есть телевизор, холодильник, пылесос, мобильный телефон, стиральная машина. В 30–32% домохозяйств бедных есть автомобили. В отдельных семьях бедных есть смартфоны, айпады, цифровые видеокамеры, кондиционеры, посудомоечные машины (реклама «Ты женщина, а не посудомойка!» работает). Естественно, что для приобретения ТДП бедные залезают в долги и, что хуже всего, в кредитное рабство.

Авторы исследования как бы удивляются такому несоответствию, но тут же поясняют, что в основе потребления не по доходам лежит неудовлетворённость своим социальным статусом. И что подобная попытка повысить самооценку, так называемое компенсаторное

потребление особенно характерно для молодёжи из бедных слоёв. Это нормальная реакция психики на принижённое социальное положение, характерная не только для россиян.

Но о том, что при нескончаемой пропаганде потребительства в СМИ и полном отсутствии социальных лифтов подобное поведение молодёжи является чуть ли не единственным способом повышения самооценки, авторы не упоминают.

Авторы озабочены тем, что *«на фоне относительно благополучной ситуации в сфере досуга в обществе в целом досуг российских бедных отличается скудным содержанием и отсутствием видового разнообразия»*.

Оставим в стороне вопрос о том, что именно исследователи называют *«благополучной ситуацией в сфере досуга в обществе в це-*

лом». Ведь что такое на самом деле благополучие в сфере досуга для небедных? Это посещение кафе, ресторанов, ночных клубов... Это шопинг. Это поездки за границу с непременным условием «всё включено». Это сидение в интернете. Примитивный досуг, не правда ли?

По мнению исследователей, бедные не воспринимают и не используют возможности досуга в качестве доступного инструмента для развития своих внутренних ресурсов (профессиональных, культурных, социально-коммуникативных), консервируя таким образом состояние бедности и не пытаясь найти выход из него. А сохранение тенденции пребывания бедных в их коммуникационно и культурно замкнутом мире неминуемо ведёт ко всё большей социальной деградации.

Но так ли это?

Недавно в СМИ было заявлено о запуске проекта «Россия удивляет», который, используя статистическую и социологическую информацию, должен давать объективную картину темпов и направлений развития страны за последние 10–15 лет. Авторы проекта (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение», Институт маркетинга «ГФК-Русь» при поддержке Института социально-экономических и политических исследований ИСЭПИ) намерены развеять негативные мифы и вымыслы о России.

Однако социологи, стремящиеся доказать, что не всё у нас плохо (подчеркнём, что их желание доказать это, в целом, вполне похвально), приводят зачастую довольно странные аргументы. Поскольку мы уже начали обсуждать досуг — и бедных, и небедных — зайдём в раздел «Культура» проекта «Рос-

сия удивляет». Социологи хотят развенчать миф о том, что *«в России некуда сходить»* или *«в России не развит досуг»*. Они признают, что *«количество библиотек и учреждений культурно-досугового типа в период 1980–2011 годов снижалось»* (до какой степени, не указано). А в качестве позитива приводят аргумент, что в то же время *«увеличивалось число зоопарков»* (?!). Видимо, авторам невдомёк, что, говоря словами персонажа О'Генри, *«песок плохая замена овсу»*, и зоопарки с большой натяжкой можно отнести к учреждениям культуры. Далее предлагается информация по... циркам: *«Количество цирков за наблюдаемый период находится примерно на одинаковом уровне»*.

Что касается театров, то *«начиная с 1980 г. число профессиональных театров*

увеличивается, к 2011 г. их 618 (почти в 2 раза больше, чем 30 лет назад)». Казалось бы, это большое благо! Однако «число людей, посещающих театры, значительно снизилось по сравнению с 1980-ми годами». Предъявленная тут же диаграмма демонстрирует сокращение посещений театров более чем в два раза (!) по сравнению с 1980 годом.

Мы сознательно берём только количественные показатели, не касаясь качества и содержания постановок современного театра, в подавляющем своём большинстве не имеющих отношения к тому назначению театра, которое существовало в русской и советской культуре. Нынешний театр не воспитывает, не даёт образцы высокой нравственности, в лучшем случае — развлекает, а в худшем — развращает. И не это ли является одной из

основных причин падения посещаемости театров? Возможно, не так уж и плохо, что *такой* досуг недоступен для бедных?

Но досуг — не главное в жизни человека. Во всяком случае, это не базовые потребности человека, такие как еда, жильё, здоровье.

Но вначале — о причинах бедности.

В исследовании «Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя» основными причинами бедности названы длительная безработица, малые государственные субсидии, семейные несчастья. Соответственно, выделяются «бедные по доходам», у которых причиной бедности чаще всего является безработица, и «бедные по лишениям» — по причине наличия в семье инвалидов, неработающих, пенсионеров, детей.

Но безработица не является единственной причиной «бедности по доходам». Поскольку

в российском обществе по-прежнему распространена «бедность работающих». У пятой части работающих бедных доход не превышает 7 тысяч рублей в месяц. Причём в отличие от Запада, где большинство бедных сконцентрировано в крупных городах, представители российской «работающей» бедности сосредоточены в основном в деревнях, сёлах, небольших городах. Там, где существуют узкие депрессивные рынки труда. Это или брошенные разрушающиеся деревни с закрывающимися школами, или моногорода с неработающими градообразующими предприятиями.

Базовые направления, по которым ухудшилось положение бедных, — это питание, здоровье, жильё и долги.

На питание почти треть бедных тратят не менее половины своих доходов. Какого качества это питание и в каком количестве — во-

просы риторические.

Очень остро у бедных стоит проблема здоровья и доступности необходимой медицинской помощи. Бедные практически не лечатся, поскольку им нечем платить за лечение, которое стремительно дорожает. Если из разряда небедных россиян 71% смогли оплатить медицинскую помощь (операции, покупка лекарств), то среди бедных осилили такие траты от 8% до 18%.

На оплату ЖКХ почти у 50% бедных семей уходит более четверти бюджета. Авторы исследования предполагают, что именно стремительный рост коммунальных платежей объясняет общее ухудшение жизни бедных (стоимость жилищно-коммунальных услуг за 2012 г. выросла на 25%). Почти втрое (до 30%) выросла доля бедных жителей, живущих в общежитиях, коммуналках, в ветхом

жилье. Одновременно отмечается тенденция локализации бедных жителей в определённых районах (создание своего рода гетто).

Новая особенность последнего десятилетия — накапливание долгов. Из небедных слоёв их имеет каждый третий, среди бедных — около половины. Правда, долговая нагрузка небедных — это на три четверти кредиты в банках, а у бедных — в основном мелкие долги и долги по квартплате. Однако банки активно внедряют выдачу кредитов людям, доходы которых ниже прожиточного минимума. За последнее десятилетие доля бедных «по доходам», имеющих долги по банковским кредитам, выросла в 5,5 раз. Возможно, расчёт идёт на то, чтобы за долги отбирать квартиры? Что уже и предлагают некоторые правительственные эксперты — в случае если долг превысит 5% рыночной стоимости жи-

ля.

Ещё одна особенность последнего времени состоит в том, что процесс наращивания домашнего имущества у бедных сопровождался сокращением их недвижимого имущества. Так, за десять лет количество «бедных по доходу», имеющих дачу, садово-огородный участок, сократилось втрое (с 34% до 11%), гараж — с 30% до 8%, второе жильё — с 4% до 1%.

Таким образом, устойчивое мнение о том, что бедные выживают и питаются за счёт садовых и дачных участков, не подтверждается. Подсобная сельхоздеятельность теперь служит подспорьем в основном для среднеобеспеченных слоёв населения. На селе, где лишь каждый двадцатый содержит домашний скот, бедные вообще утрачивают традиционный образ жизни и люмпенизируются.

Тем не менее, несмотря на столь безрадостную картину бедности в стране, нормативно-ценностные системы бедного и небедного населения принципиально не отличаются. Исследователи считают, что сегодня нельзя говорить о ценностном расколе между бедными и небедными, а также о формировании особой культуры бедности в России.

Отношение к свободе, совести, морали у бедных и небедных примерно одинаково. Большинство в обеих группах считает, что свобода важнее материальных ценностей, а спокойная совесть важнее, чем власть. Большинство бедных (включая категорию «хронически бедных») считают, что иметь можно только те доходы, которые получены честным трудом.

Хотя бедные негативно оценивают своё

нынешнее существование, однако почти три четверти из них (71%) не хотят перемен. Мало того, сторонников перемен среди бедных даже меньше, чем в среднем по стране. И большая их часть связывает свои надежды на лучшее будущее с действующей властью, с её «сильной рукой».

Правда, авторы исследования фиксируют постепенный рост «протестной готовности» у «сердитой молодёжи» из небогатых семей. Но каков он, этот рост, — замеров у исследователей нет.

Один из руководителей исследования — директор Института социологии РАН М. Горшков — считает, что *«в настоящее время в России лишь одна проблема может по-настоящему «зацепить» граждан, консолидировать провинцию и столицы, богатых и бедных, молодых и ста-*

рых — это страх за будущее и настоящее детей». И мы с этим согласны.

Существует также определённый консенсус большинства россиян относительно «особого пути» России и невозможности для неё копировать западный путь. Здесь качественных расхождений между бедными и небедными нет, так же как и между представителями разных возрастов.

Как мы видим, рассмотренные нами показатели исследования «Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя» (далеко не полного и не во всём объективного) отнюдь не подтверждают презрительную характеристику бедных как отдельного сообщества изгоев («лузеров», «маргиналов», «нищевродов»). Эту характеристику, как мы уже писали, упорно навязывают обществу либеральные журналисты, а зарубежные фон-

ды ищут ей подтверждения.

Навязываемая же негативная характеристика бедных направлена на то, чтобы закрепить в сознании существующее и усугубляющееся неравенство в российском обществе, ликвидировать всё ещё общие для большинства нормативно-ценностные ориентиры (перенятые из российского, советского прошлого) и приблизить Россию к весьма своеобразно понимаемым нашими либералами западным образцам. Притом что и нормальные западные образцы явным образом не могут укорениться в нашей стране — в стране с весьма специфическим капитализмом, близким к криминальному, в стране системного регресса, в стране, где явным образом ослабевает всё, что может иметь созидательное консенсусное значение.

Вера Сорокина

Врач: профессия и этика. Часть I

Деонтология — раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и должного. В более узком смысле деонтология как наука изучает конкретно медицинскую этику, правила и нормы взаимодействия врача с коллегами и пациентами

Маймонид

В конце августа в столице Республики Хакасия Абакане прошёл межрегиональный форум «Актуальные вопросы медицинской этики и деонтологии». В центре внимания оказалось обсуждение одной из болевых точек российской медицины: нарастающее отчуждение во взаимоотношениях врачей и пациентов. Медицинское сообщество всерьёз тревожит разрастающаяся *«пропасть взаимного неуважения и недоверия между теми, кто в прямом смысле слова создан друг для друга»*.

В стране как на дрожжах множатся сообщества «защиты прав пациентов» (только в Москве действуют более 300 подобных организаций). Врачи, со своей стороны, создают «ассоциации» и «палаты» для защиты своих интересов, чести и профессионального достоинства.

«Постоянное напряжение и конфликт во взаимоотношениях двух сторон, — констатирует доктор социологических наук, профессор Н.Вавилина, — переносятся в СМИ и суды». В самом деле, не проходит и месяца, чтобы страну не сотрясал очередной скандал, связанный с халатностью, откровенным хамством и непрофессионализмом «людей в белых халатах». Приведу только два примера.

Пример №1. Летом 2013 года в Центре сердечно-сосудистой хирургии Перми врач избил пациента, который только что перенёс операцию на сердце, что запечатлели камеры видеонаблюдения. По данным следствия, пациент резко ответил на вопрос доктора, чем и вызвал агрессию эскулапа.

Пример №2. В октябре возбуждено уголовное дело в отношении педиатра и медсестры районной больницы Яковлевского района

Приморья, где после пробы Манту были госпитализированы 29 детей с тяжёлыми аллергическими реакциями. По данным прокуратуры, допустимая доза вводимого детям препарата была превышена в 2,5 тысячи раз.

Мы не будем здесь обсуждать очевидное: хам в белом халате, позволивший агрессию по отношению к незащитному пациенту, — преступник и не имеет права называться врачом. Не будем также искать оправдание педиатру и медсестре из районной больницы, допустившим преступную халатность в отношении прививаемых ими детей, в неудовлетворённости низкой зарплатой и неустроенностью жизни. Но напомним слова выдающегося врача XIX века, первого декана медицинского факультета Московского университета, переводчика Гиппократ М. Я. Мудрова: *«Кто не хочет идти сим многотруд-*

ным путём, кто звания сего не хочет нести с прилежностью до конца дней своих, кто не призван к оному, но упал, в оное препнувшись, тот оставь заблаговременно священные места сии и возвратись восвояси...». И перейдём к главному.

Ещё в 20-е годы XX столетия великий русский мыслитель Питирим Сорокин сформулировал теорию социальной стратификации. Если следовать этой теории, то существуют суперважные профессии, очень важные профессии, менее важные и совсем неважные. Но ещё со времён Геродота (а это V век до нашей эры), врач относился к категории профессионалов, которые выполняют суперважные для общества функции «воспроизводства и сохранения человеческой популяции».

В СССР при реальном социальном равенстве врачи были элитой советского общества,

свято берегли профессиональную честь и любили свою профессию. Это был «монолит профессионалов разных специальностей» (и, добавим, разных поколений) объединённых в служении одной цели — «охране и приумножению здоровья граждан советского государства».

Большинство представителей этого, воспитанного в СССР, поколения врачей (многие из которых уже на пенсии или в предпенсионном возрасте) очень болезненно восприняли развал советской системы здравоохранения. Они очень остро воспринимают всё, что происходит сегодня между медициной и населением. При этом большинство из них по-прежнему старается так же честно и преданно служить своему делу.

Более молодое поколение врачей — им сегодня за сорок — последними получили совет-

ское медицинское образование — качественное и бесплатное. Получая в конце 80-х дипломы, они, как и предыдущие поколения, произносили клятву врача Советского Союза. Но в годы «реформ 90-х» столкнулись с тем, что врач — один из самых низкооплачиваемых специалистов и далеко не самый уважаемый человек в обществе. Многие ушли из медицинской профессии.

И хотя большинство оставшихся как-то встроились в новые реалии российской медицины и при этом сохранили остатки веры в то, что профессия врача — «святое ремесло», именно у этой группы специалисты фиксируют высокий уровень профессиональной демотивации и так называемого профессионального выгорания. Что, в свою очередь, сказывается на увеличении случаев врачебных ошибок и конфликтов с пациентами.

Третье поколение врачей (это те, кому сегодня в среднем 30–40 лет) получило образование в постперестроечные годы. Сразу подчеркну, что то, о чём будет говориться ниже, ни в коем случае не относится ко всем без исключения представителям молодого поколения врачей. Многие из них, тем более происходящие из семей советских врачей, пришли в профессию, искренне веря в святой долг врача — исцелять.

Тем не менее, именно это поколение оказалось наиболее восприимчивым к навязанным России западным стандартам коммерческой медицины. Оно вполне легко свыклось с тем, что медицина не только «самое благородное из всех искусств», но в первую очередь — одна из многочисленных «сфер услуг». Что врач должен быть «эффективным менеджером» на ниве «рыночной конкуренции за па-

циента». Что пациент вовсе уже не пациент в традиционном смысле слова, а «хорошо (а порой лучше, чем сам врач) информированный» клиент. И, наконец, что услуга должна предоставляться ровно в том объёме, какой оплачен.

Так всё же, о чём идёт речь?

Дело в том, что настойчиво реформируя медицину по западному примеру, превращая здравоохранение в «сегмент рынка», где действует формула «товар—деньги—товар», наши либералы-прозападники нанесли серьёзный удар по самому сакральному, что есть в медицине — отношениям врача и пациента.

А ведь на протяжении всей истории медицины, как в России, так и на Западе, фундаментальным принципом взаимоотношений врача и пациента является патернализм. Именно патернализм как классический

тип взаимоотношений врача и пациента признаётся профессиональной врачебной этикой.

Суть понятия «патернализм» кроется в его корне — слове «pater» (отец), «paternus» (отцовский, отеческий). Врач выступает в роли отца, заботящегося о ребёнке. Врач страдает больному, помогает ему, принимает решение о лечении, берёт ответственность за принимаемые решения. А пациент? Пациент берёт на себя ответственность выполнять предписания врача, помогать врачу в процессе лечения.

Сформулированный ещё в эпоху Гиппократа этот принцип исключительно глубоко был понят и воспринят библейской религиозной культурой. *«Даруй мне, о Боже, кротость и терпение с капризными и своенравными больными, —* говорит в своей «Молитве врача» крупнейший медик XII

века Маймонид. — Не допусти, чтобы жажда к наживе, погоня за славой и почестями примешивались к моему призванию... Укрепи силу сердца моего, чтобы оно всегда было одинаково готово служить бедному и богатому, другу и врагу, доброму и злому...».

И позднее, в эпоху Просвещения, положения, сформулированные в так называемом Корпусе Гиппократов (сборнике сочинений по медицинской этике), были основополагающими в деятельности врачей того времени.

Уже в 1803 году вышел первый учебник по медицинской этике английского врача Т. Персиваля «Медицинская этика. О профессиональном поведении, относящемся к больницам и другим благотворительным учреждениям». Этот учебник представлял собой свод правил и наставлений по поведению врачей и хирургов в госпитальной и частной практи-

ке. Он стал настольной книгой не только для врачей Западной Европы, но и России.

А в 1814 году вышел труд по врачебной этике уже упомянутого выше М. Я. Мудрова «Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача», в котором говорится о моральных качествах врача: *«Готовность к помощи во всякое время, и днём и ночью, бескорыстие, снисхождение к погрешностям больных...»*.

Персиваль на Западе, Мудров в России, пропагандируя христианские ценности, призывали в первую очередь помогать бедным. Во многом именно их трудам принадлежит заслуга развития благотворительности и бесплатных лечебниц в России. Идеи Мудрова приняла в конце XIX века земская медицина.

Между тем уже в XIX веке, с развитием капитализма в странах Западной Европы, на-

чался пересмотр идеи патернализма во взаимоотношениях врача и пациента.

«Появление капитализма, — пишет историк медицины Г. Сигерист, — принесло другую концепцию, другой моральный климат общества. Это не могло не отразиться на медицинской этике. Обнаружилось, что традиционные моральные ценности всё менее эффективно действуют на профессиональное поведение медицинских работников, число которых заметно возросло. Всё отчётливее на первый план стали выходить и подчёркиваться экономические аспекты. Профессия всё более и более становилась средством заработка на жизнь...».

В 1887 году, а затем в 1897 году в Германии вышли в свет книги немецких врачей А. Молля «Врачебная этика. Обязанно-

сти врача во всех отраслях деятельности» и Г. Цимсена «Врач и задачи врачебной профессии». Подвергнув острой критике установившуюся в медицинском сообществе патерналистскую практику *«безвозмездного или почти безвозмездного исполнения врачом своих обязанностей»*, Молль и Цимсен настаивали на повсеместном введении *«свободного соглашения относительно гонорара»*. Они же впервые предложили именовать своих пациентов «клиентами».

А в начале XX в. волна дискуссий о проблемах медицинской этики всколыхнула и российское медицинское сообщество. Этому способствовали, во-первых, выход в 1901 году знаменитой книги В. В. Вересаева «Записки врача», а, во-вторых, издание в 1904 году на русском языке названной выше книги А. Молля.

Впрочем, подчеркну, в России начала XX века сам принцип патернализма под сомнение не ставился. Полемика развернулась вокруг частной практики. Наибольший накал она приобрела между последователями профессора В. А. Манассеина и авторитетнейшего в России терапевта Г. А. Захарьина.

Основанная Манассеиным газета «Врач» (являвшаяся на протяжении 20 лет «рупором общественной медицины»), неоднократно выступала с резкой критикой «захарьинцев», которые вели широкую частную практику и за свои визиты брали немалые деньги. Но справедливости ради необходимо сказать, что Захарьин, будучи очень состоятельным человеком, вёл бесплатные приёмы в университетской клинике. А перед смертью передал 500 тысяч рублей на постройку деревенских школ в Саратовской и Пензенской губерниях.

После Октября 1917 года развитие медицинской этики на Западе и СССР пошло различными путями. И понятно почему: патернализм был присущ духу самого советского государства, и в соответствии с этим духом формировалась советская медицинская этика.

В начале 20-х годов основатель и теоретик советской системы здравоохранения Н. А. Семашко писал: *«Конечно, и среди зарубежных врачей есть врачи, которые понимают свои обязанности так, как к этому призывает их гуманная профессия врача. Но что является правилом, а что исключением?.. Понятно, что и вопросы так называемой врачебной этики диаметрально противоположно решаются у нас и в капиталистических странах. Этика советского врача — эта эти-*

Врач: профессия и этика. Часть I 155

ка своей социалистической Родины, это — этика строителя коммунистического общества, это — коммунистическая мораль, стоящая выше классовых противоречий. Вот почему мы не отрываем понятия врачебной этики от высоких этических принципов гражданина Советского Союза».

Уже в конце Великой Отечественной войны в статье «Об облике советского врача» Н. А. Семашко напишет: «В основном так называемая врачебная этика включает в себя три группы вопросов: во-первых, отношение врача к больному, во-вторых, отношение врача к коллективу (обществу), и, в третьих отношение врачей между собой».

А в 1944 году вышел фундаментальный труд основателя советской онкологической

школы Н. Н. Петрова «Вопросы хирургической деонтологии». Выход этой книги дал новый толчок развитию советской школы медицинской этики и деонтологии. На ней училось не одно поколение советских врачей. *«Под медицинской, в том числе и хирургической, деонтологией, — пишет Н. Петров, — мы, в наших условиях советской медицины, должны разуместь учение о принципах поведения медицинского персонала не для достижения индивидуального благополучия или общепризнаваемой почтенности отдельных врачей и их сотрудников, но для максимального повышения суммы полезности и максимального устранения вредных последствий неполноценной медицинской работы».*

Начиная с 1969 года, в СССР прошло пять всероссийских конференций по пробле-

мам медицинской деонтологии. А в 1988 году вышло в свет двухтомное руководство «Деонтология в медицине» под редакцией академика Б. В. Петровского. В этом труде тема патерналистских взаимоотношений врача и пациента является центральной.

Подчеркну, что уже в 70-е годы Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рекомендовала советский подход в области медицинской этики и деонтологии для изучения во всех странах мира. Вместе с тем, уже в этот период в мире начали внедряться и иные подходы к вопросу о взаимоотношениях врача и пациента.

Но об этом мы поговорим в следующий раз.

Михаил Дмитриев

Война с историей

Проект анти-СССР

Под красивые слова о необходимости воссоединения истории и признания советского прошлого, либералы вновь проталкивают очередной бессовестный глум над темой СССР

Квартал «Музей СССР»

Симбирский квартал

В начале ноября 2013 г. в Ульяновске завершилась подготовка к воплощению в жизнь так называемого «Национального проекта «Культурно-туристский кластер «Музей СССР». Проект получил одобрение федерального центра и должен быть реализован к 100-летию СССР в 2022 г.

Оговорим, что автором теории о кластерах является американец Майкл Юджин Портер, профессор Гарвардской бизнес-школы. Кластер, по Портеру, — это группа географически соседствующих и взаимосвязанных в своей деятельности организаций, обладающих общей «цепочкой ценностей» (материальных, прежде всего). Портер рекламирует эффективность создания экономических, политических, «креативных» и пр. кластеров.

В России тезис о «кластерной полити-

ке», по Портеру, был закреплён в принятой в 2008 г. государственной «Концепции долгосрочного социально-экономического развития».

Так вот, будущей опорой строящегося в Ульяновской области «креативного кластера» нынче как раз и заявлен «Музей СССР». А потому давайте внимательно разберём, что за «креативный центр» общенационального значения и идеологического содержания планируется возвести на родине В. И. Ленина.

Проект «Музея СССР» был подготовлен членом президиума градостроительного совета Ульяновска архитектором О. Владимировым. Правда, при этом сам Владимиров рассказал прессе, что первоначально речь шла лишь о реконструкции Ленинского мемориала, однако *«консультанты из Москвы»* заявили, что это-де невозможно, городу *«необ-*

ходим кластер». Лоббистом создания кластера по международным стандартам стал А. Данилов, представитель... угадайте с трёх раз, чего?... Ну конечно же, главного московского либерального центра — «Высшей школы экономики».

В соответствии с окончательным «кластерным» проектом «Музея СССР», территория музея должна расположиться на 120 гектарах в центре Ульяновска, включив в себя ряд исторических, а также заново возводимых, в том числе высотных, зданий (являющих собою мрачную пародию на авангардизм), скульптурных групп и пр.

Всё это должно олицетворять собою музей не абы чего, а СССР. То есть страны, в которой осуществляемый кластерщиками-музейщиками бардак, который только очень деликатный человек может назвать безум-

ной хаотической планировкой, был категорически невозможен. Ну и причём тут музей?

Привлечённый на этапе обсуждения готового проекта А. Кузьмин, шестнадцать лет бывший главным архитектором Москвы, раскритиковал проект уже за одно это несоответствие советскому стилю архитектуры: *«Глядя на проект нынешний, я в нём вижу мало советского. Мне кажется, первое, что приходит на ум при упоминании СССР, — планировка. Вот, например, сталинская ВДНХ — это СССР в чистом виде. ... Проект должен быть таким, чтобы туристы, пусть даже китайцы, приехали и поняли — они попали в СССР»*. Но как раз это явно совершенно не нужно авторам проекта.

«Музей СССР», как утверждается, *«призван рассказать новым поколениям, ко-*

торые родились уже не в Советском Союзе, историю исчезнувшей страны»... Однако в реальности экспозиция преподносит — в ненатуральную архитектурную величину — очередной чёрный исторический миф.

Так, одним из важных объектов «Музея СССР» станет «музей НКВД».

Центральной же темой всей экспозиции будут разрушенные в советское время церкви и другие «здания г. Симбирска», с подробным описанием того, как именно большевики их уничтожали.

При этом главная претенциозная «изюминка» данного церковного сюжета — «воссоздание образа» (в виде фонтана) «утраченной Ильинской церкви»...

Также в рамках проекта будет восстановлена Казанская церковь, в которой «крестили В. И. Ленина (Ульянова)»... Судя по

всему, посетитель экспозиции призван ужаснуться тому, что большевики сняли колокола, а затем и вовсе разобрали церковь, где крестили «аж самого Ленина» — этого ужасного безбожного лидера большевиков... Ну, это ли не шизофрения, навязываемая обществу?

Также будет восстановлен *«поспешно и опрометчиво снесённый большевиками»* губернаторский дом и т.д., и т.п.

Среди предполагаемых к возведению в городе скульптурных групп выделяются «Монашки» — призванные символизировать, надо полагать (ведь декларируемая цель музея — дать молодёжи представление о Советском Союзе), «широко распространённую» в СССР социальную страту...

Планируется в экспозиции и загадочный монумент «Примирение», а также монумент

памяти жертв войн. Кого с кем собрались «примирять» авторы «Музея СССР», в проекте не расшифровано — но, судя по общему контексту, можно предположить, что речь о Гражданской войне белых и красных. При этом остальная часть экспозиции, как было показано выше, свидетельствует как раз о проведении его авторами линии на подспудное развитие гражданской войны и окончательный триумф белой идеи. Линии, слабо прикрываемой эксплуатируемым нынче мифом о «тотальном изничтожении православия и православных в СССР».

В «Музее СССР» также собираются возвести башню «Евразия», где должны находиться представительства организаций стран-участниц ЕврАзЭС. Что явно нацелено на придание максимального веса всему описываемому «национальному» начинанию.

Ну, а чтобы до конца был понятен характер «Музея СССР», отметим, что в него также будет включена «Резиденция Колобков». Ведь известный издевательский мем гласит, что «Ульяновск — родина Колобка», а вовсе не В. И. Ленина...

Добавим, что такой же издёвки полна вся экспозиция, включающая «Магазин советских брендов «Гастроном», «визит-центр» «Будущее — единственная наша цель» и пр. На последнем примере особенно хорошо видно, как при помощи западных словечек проектировщики музея пытаются дебилизировать советскую жизнь. Предложив посетителям этакий визит из западного «нормального» общества потребления в «ненормальное» (заикленное, видите ли, на развитии будущего) советское общество. При подобном общем посыле можно лишь вообразить (как в

кошмарном сне) характер подборки экспонатов и комментариев к ним в таких частях «Музея СССР», как «Музей советской моды» и «Музей советского быта».

Либероиды из «Высшей школы экономики» горячо, как уже говорилось, лоббировавшие проект, указали на необходимость — дабы «Музей СССР» заработал на полную мощность, то есть на миллион туристов в год — вложить в него около 60 миллиардов рублей. Из них 33 миллиардов — бюджетных.

Иными словами, под красивые слова о необходимости воссоединения истории и признания советского прошлого, либералы вновь проталкивают очередной бессовестный глум над темой СССР. Причём, что характерно, всё это должно осуществляться за средства доверчивого избирателя, искренне желающего возродить память о Советском Союзе и на-

ходящегося в полном неведении по поводу реальной сути проекта.

Создание в России антисоветских архитектурных экспозиций ульяновского размаха — явление пока что беспрецедентное. При этом особенно настораживает, что увеличение антисоветского «креатива» совпадает с аналогичным и более чем последовательным процессом на Западе.

Так, американский «Фонд памяти жертв коммунизма» — уже открывший в 2007 г. Мемориал жертвам коммунизма, а в 2009 г. — Всемирный виртуальный музей жертв коммунизма — недавно закончил подготовку соответствующего учебного предмета о коммунизме для западных средних школ. Подчеркнём, что пока — для западных. Однако ускорившаяся в последнее время интеграция российской системы образования в западную, ве-

роятно, поможет исправить и эту «недоработку»...

К 2017 г., в «подарок» на 100-летие революции в России, тот же «Фонд памяти жертв коммунизма» планирует создать в Вашингтоне Музей жертв коммунизма. Как сообщил директор фонда, сотрудник американской Heritage Foundation Ли Эдвардс, *«выставки музея будут посвящены отдельным странам, например, России, Китаю»*. Специальная выставка будет посвящена и странам Балтии, рассматриваемым США как вполне оправдавший возложенные на него надежды форпост в борьбе против СССР. По словам Эдвардса, в музее будет также *«зал героев, боровшихся против коммунизма»*.

Кроме того, в «Музее коммунизма» предусмотрены специфические «комнаты ужасов», в которых будут задействованы привлека-

тельные для туристов ультрасовременные технологии и «исторические реконструкции». Так, как сообщил Эдвардс, *«мы можем соорудить в музее бараки ГУЛАГа с деревянными нарами, и, когда человек будет входить в помещение, температура понизится. Хотим показать в музее также вагоны, в которых людей депортировали в Сибирь. Также хотим разместить сторожевую вышку Берлинской стены»*.

Вот такая «экстракреативная» страшилка планируется к построению в американской столице. Страшилка, «и впрямь» призванная описать «ужасы» эпохи коммунизма... От Берлинской сторожевой вышки, вред от которой даже близко не сравним не только с коварными бомбардировками Югославии, Ирака или Сирии, но и с одной-единственной амери-

канской тюрьмой Гуантанамо... и до «героев антикоммунизма» — то бишь диссидентов, доблестно завербованных западными разведками, чем сегодня эти «герои» и их близкие имеют наглость открыто хвастаться.

На создание в Вашингтоне вышеописанного музейного антисоветского «креатива» «Фонд памяти жертв коммунизма» намерен получить помещение у правительства США и финансы от соратников из-за рубежа. Так, Венгрия уже выделила, по рассказу Эдвардса, миллион долларов, который фонд намерен в ближайшее время употребить на «создание команды», а также на кампанию по сбору дальнейших пожертвований. Общая запланированная сумма на американский антисоветский «музей» составляет 100 миллионов долларов... (Кстати, согласимся, что американская задумка выглядит даже как-то про-

винциально и убого по сравнению с ульяновскими высотками и фонтанами на 60 миллиардов рублей.) При этом половина из уже собранных на сегодня американцами денег пойдёт на сам музей, а вторая — на структуру, занятую сопровождающими *«просветительскими»* (то бишь пропагандистскими) трудами... А то ведь «как же» миру без «просвещения»!

Безусловно, усилившаяся сегодня повсеместно антикоммунистическая пропаганда нацелена на проведение в жизнь давней западной идеи «Нюрнбергского процесса над коммунизмом» и на усаживание России на скамью исторических подсудимых. С сопровождающим «Покаянием-2», психологическим шоком населения и т.д.

Если наше общество не осознает своевременно масштаб затеваемых под маской «при-

мирения» и «сохранения памяти об СССР» исторических игрищ, то, как и в 1991 г., мы не сможем противостоять с неизбежностью воследующим за подобными игрищами краху и развалу государства.

Ирина Кургинян

Мироустроительная война

Армия моджахедов в Сирии

Как заявил в конце октября побывавший в Москве верховный муфтий Сирии Ахмад Бадреддин Хасун, правительственные силы в Сирии противостоят наёмникам из 83 стран

Верховный муфтий Сирии Ахмад
Бадреддин Хассун

В прошлых выпусках рубрики «Миро-
устроительная война» мы уже начали обсуж-
дать вопрос о том, в каком направлении стала
двигаться ближневосточная политика после
того, как в августе текущего года не состоял-
ся ожидаемый удар США по Сирии. Мы уже

обсуждали, как настойчиво Саудовская Аравия перехватывает у Катаря влияние на очаги мироустроительных конфликтов — и сирийский, и египетский — и как Эр-Рияд наращивает возмущение «политической изменой» со стороны США.

Но в чём же состоит направление и содержание явного поворота политики США на Ближнем Востоке в целом и в отношении Сирии в частности? И во что и как трансформируется в регионе этот американский «политический поворот»?

В сентябре 2013 года Обама сказал на Генассамблее ООН по поводу американской ближневосточной политики: *«Мы редко можем достичь этих целей (то есть поддержки демократии) посредством односторонних действий США — в частности, военных».*

Как это следует понимать? По-видимому, так, что прямое военное воздействие на сирийский конфликт в настоящий момент отменяется. Но это не значит, что меняются цели США в регионе. А одной из таких целей, напомним, является отстранение от власти в Сирии президента Башара Асада.

The New York Times написала в октябре, что США дистанцируются от «арабской весны». Издание приводило заявление помощника президента по нацбезопасности Сьюзан Райс:

«Мы не можем заниматься только одним регионом 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Президент Обама решил, что наступил хороший момент для того, чтобы сделать шаг назад, посмотреть критично и открыто, как мы представляем себе этот регион (т.е. Ближний Восток)».

По мнению Райс, задача нового подхода — избежать «поглощения международной повестки» Обамы нынешними событиями на Ближнем Востоке, как это произошло с Дж.Бушем.

«Корректировку курса» проводили 5 экспертов. Эти эксперты предложили оставить в зоне внимания США три основные темы ближневосточной повестки, а остальное отодвинуть. Египет, в частности, оказался в числе отодвинутых вопросов. А это означает, что американская администрация не имеет пока готовых решения в отношении судьбы «Братьев-мусульман», терпящих политическое поражение в Египте.

Далее The New York Times рассуждает о том, что США не будут применять военную силу, исключая случаи, когда необходимо отреагировать на акт агрессии в отно-

шении Америки или её союзников, на срыв поставок нефти, деятельность террористической сети или применение оружия массового уничтожения.

При этом, отмечает The New York Times, новый план уже не называет задачу «экспорта демократии» в качестве приоритета внешней политики.

Итак, актуальные политические цели в регионе не меняются. Но при этом США не считают в настоящий момент возможным добиваться их напрямую (и брать на себя связанную с прямыми действиями ответственность). Так что же они собираются делать? Идти обходными, а не прямыми путями и действовать чужими, а не своими руками.

В сентябре турецкие СМИ сообщали, что оппозиционная проамериканская Свободная сирийская армия (ССА) пообещала возна-

граждение в размере 25 миллионов долларов за выдачу президента Сирии — «живого или мёртвого». По заявлению кого-то из оппозиционеров, это обещание в первую очередь обращено к окружению Башара Асада. Платить же за голову Асада намерены некие неназванные бизнесмены, близкие США. Предложение это не первое, да и сам план не нов.

В марте 2013 года на сайте газеты *Corriere della Sera* всего около суток провисел материал о том, что сирийские боевики тренируются в Иордании на выстроенном американцами макете резиденции Асада. А в русскоязычном интернете можно обнаружить данные о том, что указанный макет, расположенный севернее иорданской столицы, был выстроен ещё в 2009 году. То есть за два года до начала каких-либо событий, связанных с «арабской весной».

Макет, как сообщается, состоит из 67 зданий и аэропорта с дорогами и взлётными полосами. Таким был масштаб приготовления к началу большого мироустроительного передела Ближнего Востока. Причём приготовления начались задолго до «твиттерной» игры оппозиции и применения в регионе так называемых «ненасильственных технологий» Джина Шарпа. Это означает, что когда ещё только отбирались будущие студенты в лагеря обучения технологиям Шарпа, макет резиденции сирийского президента уже был предоставлен соответствующему контингенту для отработки действий. Так что цели мироустроительных перемен в регионе, как мы видим, были намечены значительно раньше, чем начались выступления оппозиции в сирийских провинциях.

Теперь «ненасильственный» период запус-

ка мироустроительных конфликтов на Ближнем Востоке остался далеко позади. А поскольку американская политика в регионе весьма далека от желаемого результата, то в США произносят слова о невозможности заниматься регионом «семь дней в неделю». За счёт этого роль своеобразного «регулирующего» сирийского конфликта достаётся Саудовской Аравии, которая готова управлять им по-своему. И ещё неизвестно, чего больше в этой смене модели управления: саудовской готовности бороться за нужную модель регионального устройства — или американской склонности переложить ответственность за дальнейшее развитие событий на Саудовскую Аравию и втянуть её поглубже в «большую воронку» регионального хаоса.

Вот оценка аналитика Центра исследований Персидского залива Мустафы Алани: «В

Сирии идут две войны. Одна — против сирийского режима и вторая — против «Аль-Каиды». Саудовская Аравия сражается и с тем, и с другой».

Так ли? Весь мир знает (ещё со времён советского ограниченного контингента в Афганистане), что любимый метод внешнеполитических воздействий, применяемых саудитами, — покровительство международной армии моджахедов, концентрируемых в конкретной зоне военного конфликта.

Сейчас в Сирии в боевых действиях на стороне оппозиции участвуют, по разным данным, до 400 различных объединённых между собой группировок. А это значит, что чрезвычайно актуальным остаётся вопрос о формате их объединения.

По сведениям британской «Гардиан», Саудовская Аравия планирует опекать и обучать

недавно созданную в Сирии так называемую «Армию ислама» («Джейш аль-ислам»), возникшую на базе 43 группировок. Британское издание сообщает, что «Армия ислама» в перспективе будет насчитывать от 5 до 50 тысяч боевиков. И что заботами саудовцев эти боевики должны получить современные вооружения, включая ПЗРК и противотанковые ракеты. Командующий «Армией ислама» Захран Аллуш (ранее командир одной из группировок Свободной сирийской армии) встречался с главой саудовской разведки принцем Бандаром и саудовскими финансистами, помогающими «Армии ислама».

То есть сегодняшние контуры саудовской политики управления сирийским мироустроительным процессом — структурирование под своей рукой где-то плотно спаянной, а где-то подразвалившейся массы иностранных

моджахедов. Год назад такое структурирование попытались провести Соединённые Штаты, создавая рыхлую Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил, а также покровительствуя Свободной сирийской армии. Прошедший год ясно показал политическую беспомощность этих структур, создававшихся, очевидно, под проект будущих бомбардировок Сирии (аналогично ливийскому сюжету). Бомбардировок — пока — нет, а проамериканская Национальная коалиция начала быстро разваливаться.

Что же взамен? 24 сентября 11 наиболее значимых группировок оппозиции, в числе которых были и бригады, связанные с Сирийской свободной армией (ССА), подписали совместный документ. В этом документе заявлено, что данные группировки не призна-

ют Национальную коалицию и единственным источником законодательства считают шариат. Затем, 29 сентября, объединились более 40 группировок, действующих вокруг Дамаска.

Так и возникла «Армия Ислама» («Джейш аль-Ислам»). Что означает передел сфер влияния оппозиционных объединений на территории Сирии. Так, если раньше в областях вокруг Дамаска из оппозиционных сил наиболее влиятельной была «условно светская» ССА, то теперь её влияние оказалось утрачено и перешло к «джихадистскому» объединению радикалов.

Однако этот «переход влияния» проходит далеко не гладко. Многочисленные наблюдатели и эксперты сообщают о серьёзных междоусобицах между воюющими группировками оппозиции.

В настоящее время одной из базовых

групп в «Армии Ислама» является так называемая «Бригада Ислама», которая достаточно резко конфликтует и с США, и с близкой к «Аль-Каиде» «Джабхат аль-Нусра», и с радикальными «Освободителями страны аш-Шам». И быстро набирает влияние. Кстати, именно под контролем «Бригады Ислама» находился район Дума под Дамаском, откуда в августе вылетели две ракеты, заправленные зариновой смесью. Но это лишь один из конфликтов.

Налицо также противоборство между «Джабхат аль-Нусра» и «Исламским государством Ирака и Леванта» (названные группы являются сирийским и иракским продолжением «Аль-Каиды»).

Оснований для столкновений между этими двумя крупнейшими группировками, что называется, до и больше. Ведь «Исламское

государство Ирака и Леванта» представляет собой в основе иракскую «Аль-Каиду», а «Джабхат аль-Нусра» — это близкое «Аль-Каиде» соединение именно с сирийской привязкой. И, несмотря на идеологическую близость, представители «Исламского государства Ирака и Леванта» остаются для сирийских боевиков иноземцами.

Но последняя группировка за прошедшие месяцы сумела захватить значительные территории на севере Сирии. В частности, телекомпания CNN сообщала, что «Исламское государство Ирака и Леванта» обладает весьма прочным влиянием в сирийском городе Ракка с населением около 220 тысяч человек. То есть, по мнению экспертов Вашингтонского института, в настоящий момент Ракка — наиболее крупный город, который «Аль-Каида» когда-либо контролировала в исламском ми-

ре.

Сирийская свободная армия в этом конфликте явно оказывается на стороне, так сказать, соотечественников из «Джабхат аль-Нусры».

Один из командиров ССА в провинции Дейр аз-Зор высказался об этом так: *«Мы не слишком волнуемся по поводу «Джабхат аль-Нусры». Как только борьба закончится, мы вернём их в наш круг. Мы знаем их. Они наши братья, кузены и соседи, они сыновья наших племён. Наша истинная борьба будет против иностранцев из «Исламского государства Ирака и Леванта» и лидеров «Джабхат аль-Нусры».*

Теперь присмотримся к тому, как именно опекает Саудовская Аравия борющиеся за власть сирийские оппозиционные группировки.

Прежде всего, саудиты активно способствуют слиянию группировок оппозиции вокруг Дамаска и формированию в этой зоне нового объединения оппозиционных сил.

«Бригада Ислама» поддерживается саудовцами напрямую. В то же время «Джабхат аль-Нусра» и «Освободителей страны аш-Шам» поддерживал Катар. И именно эти группировки в новую коалицию не вошли.

Между тем армия моджадхедов в Сирии растёт. Как заявил в конце октября побывавший в Москве верховный муфтий Сирии Ахмад Бадреддин Хассун, правительственные силы в Сирии противостоят наёмникам из 83 стран.

Приведённый муфтием примерный список стран, откуда в Сирию прибыли основные группы моджахедов, впечатляет. И его необходимо привести целиком.

Из Саудовской Аравии — от 5 до 8 тысяч боевиков (при этом 1 019 из них убиты, а 1 800 пропали без вести);

из Туниса — 4 тысячи;

из Ирака — 3 тысячи;

из США — 290;

из Канады — 120;

из Чечни — 1 700 (из них убиты 717);

из Украины — 350;

из Туркмении — 360;

из Казахстана — 250;

из Таджикистана — 190;

из Азербайджана — 100;

из Грузии — 80.

Отдельно приведён список боевиков из Европы:

из Германии — 110;

из Франции — 120;

из Великобритании — 80;

из Австрии — 200;
из Испании — 90;
из Дании — 60;
с Мальты — 86;
из Финляндии — 40;
из Боснии — 150;
из Албании — 100;
из Косово — 140.

Неужели найдётся кто-то, кто поверит, что эта «коллекция» сложилась стихийно, а не была заботливо подобрана в таком составе?

«Жемчужина коллекции» — 200 боевиков (в основном уйгур) из Китая, проходящих обучение в Турции.

Интересно, что в списке практически полностью отсутствуют страны Африки, откуда моджахеды в Сирию, без сомнения, также поступают. Но это, по-видимому, станет моджахедским «резервом свежих сил» для наращи-

вания конфликта.

Тем не менее приведённый выше список стран-поставщиков боевиков в Сирию (в том числе стран СНГ) даёт представление о том, в каком направлении способен расползаться сирийский очаг ближневосточного мироустроительного конфликта.

Вряд ли этих боевиков будут перебрасывать, например, в Финляндию или Австрию. А вот их переброска через Закавказье в страны Средней Азии — вполне возможна. На это указывает, в частности, наличие в ряду перечисленных групп — и группы китайской. Что очевидным образом подразумевает в перспективе возможность расширения зоны мироустроительного хаоса и создания в ней такого очага, как Синцзян.

Причём вероятность «переброски хаоса» в Среднюю Азию и Синцзян решающим об-

разом зависти от того, как будет развиваться в ближайшем будущем военный конфликт в Сирии. А значит, его развитие продолжает оставаться объектом нашего пристального внимания.

Мария Подкопаева

Концептуальная война

Фашизм. Французские истоки и итальянские предтечи

Миф должен был пробудить в массах единое нерассуждающее и целеустремлённое желание действия (в том числе насильственного действия) по указанию вождей

Габриэль д'Аннунцио

Из работ по теории элит, которые мы обсудили ранее (и которые очень внимательно «осваивали» империалистические идеологи), следовало несколько достаточно ясных концептуальных выводов в части возможностей «остановить красных».

Нужно было последовательно вытеснять и замещать в массовом сознании «возвышающий» коллективизм равенства и братства рациональных и осознающих свои интересы и цели масс — «опускающим», регрессивным коллективизмом нерассуждающей иррациональной толпы (по Михельсу и Лебону).

Нужно было стать полноценной контрэлитой и в этом качестве, опираясь на уже созданную нужным образом иррациональную толпу, взять в свои руки власть (по Моска и Парето).

И нужно было воспользоваться властью

и толпой, чтобы не только разгромить красных, но и удерживать эту толпу «в согласном повиновении». И в результате успешно решать и задачи поддержания внутренней социально-политической стабильности, и задачи внешней империалистической экспансии.

Но как это сделать?

Главным технологическим механизмом должен был стать особого рода миф (по Сорелю). То есть такая нерасчленённость иррационального (слепой веры в миф, олицетворяемый вождём) и рационального (доверия к пропагандистской аргументации вождя), при помощи которой вожди создают у масс целостный образ реальности, а также указывают главных врагов масс в этой реальности. Такой миф должен был пробудить в массах единое нерассуждающее и целеустремлённое

желание действия (в том числе насильственного действия) по указанию вождей.

А чтобы миф внедрить в массы и в них его поддерживать, сохраняя в массах свойства этой самой толпы, — нужно было создать и использовать собственную мощную информационно-пропагандистскую машину.

Это хорошо понимали и те, кто стремился остановить красных, и те, кто добивался политической победы коммунистов. Так, например, В. И. Ленин (который внимательно читал и Парето, и Лебона, и Сореля) в небольшой статье 1917 г. «Империализм и раскол социализма» написал: *«Без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма нельзя вести за собой без широко разветвлённой, систематически проведённой, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенниче-*

ства, жонглёрства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии».

Идеологическое первенство в создании концептов протофашизма, видимо, принадлежит Франции. Идеи крайне правого аристократического реванша начали оформляться во Франции с 70-х годов XIX века, после поражения в франко-прусской войне. В стране в этот период возникали и набирали политическое влияние многочисленные правые группировки (лиги) дворян, офицеров, интеллигенции. Часть которых, исповедующая радикальный монархизм, в 1899 г. объединилась в организацию «Аксьон франсэз» («Французское действие»).

Идейно-политической платформой «Ак-

сьон франсэз» стал так называемый интегральный национализм. «Интегральный миф», который выстраивала «Аксьон франсэз», адресовался к Франции времён позднего средневековья и «великих королей». В его рамках подразумевались строгая социальная иерархия и «межклассовый мир», которые обеспечиваются корпоративно-сословной организацией социально-политической и экономической жизни в стране под управлением монархии.

Лидер «Аксьон франсэз» Шарль Моррас прямо писал о возможности реставрации монархии во Франции при помощи «нового генерала Монка» (напомним, что в Англии Монк в 1660 г., после смерти Кромвеля, обеспечил восстановление династии Стюартов на английском престоле). При этом «Аксьон франсэз» уже в начале XX века использовала в

силовых акциях против своих красных противников отряды так называемых королевских молодцов (прообраз будущих фашистских штурмовиков в Италии, Германии, Испании и т.д.).

Идеи и политическая практика «Аксьон франсэз» оказали существенное влияние на развитие фашистских организаций в других странах Европы (в Бельгии, Румынии, Испании и т.д.). Так, позже глава бельгийских фашистов-рексистов Леон Дегрель, генерал элитных нацистских Ваффен-СС и любимец Гитлера, в своей книге называл Морраса *«интеллектуальным отцом всех европейских фашизмов»*.

Знаменательно, что в «Аксьон франсез» было вовлечены и поклонники Ж. Сореля. Например, синдикалист Жорж Валуа, который называл себя «верным духовным сы-

ном» Сореля, в 1912 г. создал свой политический кружок из синдикалистов и радикальных националистов. А позже подчёркивал, что именно из этого кружка в итоге выросла основанная Валуа в 1925 г. «Фасэ» — первая французская политическая организация, которая прямо объявила себя фашистской.

Другим крылом французского «протофашизма» стали радикальные националисты, лидером которых был Морис Баррес. Они, в отличие от «Аксьон франсэз», строили свой политический миф на основе «межгосударственного» социал-дарвинизма и «этнического» расизма. И нередко использовали антикапиталистическую риторику и социалистические лозунги, призывая обеспечить классовый мир за счёт объединения всех классов под знаменем «национального патриотизма».

Одна из наиболее влиятельных «лиг» на-

ционалистов, исповедующая воинствующий расизм в духе Гобино и Х. Чемберлена, прямо называла себя «Антисемитской лигой» и «национал-социалистами». Позже Баррес стал горячим поклонником итальянского фашизма и лично Муссолини. Он писал, что *«... именно фашизм объединяет... предпринимателей, служащих, специалистов, рабочих... с целью их примирения»*.

«Аксьон Франсэз» и националисты Барреса сыграли большую роль в создании во Франции в 1927 г. протофашистской организации участников Первой мировой войны «Огненные кресты». А после оккупации Франции Германией в ходе Второй мировой войны выходцы из «Аксьон франсэз» и националистов Барреса составили существенную часть «режима Виши» — коллаборационистской прогитлеровской администрации Фран-

ции.

Тем не менее, первый опыт прихода фашизма во власть состоялся не во Франции, а в «молодой империи» — Италии.

В Италии массовая эйфория от первых империалистических успехов в Эритрее и Сомали в 1885–1889 гг. была в каком-то смысле перечёркнута в 1896 г. очень болезненным поражением в Эфиопии от войск императора Менелика. В стране не только обострилась система элитных расколов (монархисты, либералы, клерикалы, буржуазия промышленного Севера и помещики-латифундисты Юга), но и резко активизировались социалистические низовые движения городского пролетариата и крестьянства — от партий и лиг социалистов и анархо-синдикалистов до крестьянских католических и светских «синдикатов» и «трудовых ассоциаций».

В этих условиях премьер Италии, крупный либеральный политик Джованни Джолитти провозгласил *«новую политику государственной консолидации»* за счёт реформ системы заработной платы, сокращения рабочего дня, обеспечения профсоюзных свобод и таможенного протекционизма. В этой политике интеграции городского и сельского пролетариата в либеральную буржуазную систему за счёт союза либералов с социалистами-реформистами — Джолитти, по сути, шёл по стопам своего германского предшественника Бисмарка с его «прусским социализмом».

Однако политика Джолитти, основанная на соглашательстве с рабочими массами и снижении нормы эксплуатации, а также на умеренности в части империалистических планов, категорически не устраивала элит-

ный союз крупной буржуазии и латифундистов, поскольку сокращала их сверхприбыли и не давала шансов на форсированную внешнюю экспансию. А заодно эта политика вызывала падение популярности социал-реформистов из Соцпартии, которых низовые массы обвиняли в классовом предательстве.

После поражения социалистов на выборах 1912 г. и падения либерально-социалистического правительства — в Италии (и в элите, и в массах) резко нарастает влияние правых националистов. Которые были готовы в решении внутренних и внешних политических проблем перенести ставку на насилие. Причём пропаганда насилия и прямого действия у националистов привлекала немалую часть итальянских синдикалистов и анархо-синдикалистов, у которых эта пропаганда вполне сочета-

лась с проповедями о насилии их кумира Ж. Сореля.

Лидер националистов Энрике Коррадини уже давно и настойчиво пропагандировал «международный социал-дарвинизм» как основание для империалистической экспансии. Коррадини регулярно ссыался на величие Древнего Рима, которое призвана возродить новая Италия. А при этом заодно предъявлял миф о неизбежности борьбы между нациями старыми и дряхлыми (они же «капиталистические и плутократические») и нациями молодыми и энергичными (они же «пролетарские»); борьбы, в которой общие национальные интересы должны объединять всех итальянцев.

В 1910 г. Коррадини учредил Итальянскую националистическую ассоциацию (ИНА), и на первом конгрессе ИНА заявил:

«Подобно тому, как социализм разъяснил пролетариату значение классовой борьбы, мы должны разъяснить Италии значение международной борьбы. Но международная борьба — это же война? Ну что ж, пусть будет война, и пусть национализм пробудит в Италии жажду победоносной войны».

Другой тип мифологии фашистского национализма в эти же годы предъявлял обществу яркий и плодовитый писатель, журналист и оратор Габриэль д'Аннунцио. В своих книгах, статьях и выступлениях он, как и Коррадини, постоянно апеллировал к величию древнего Рима и обязанности Италии возродить это величие путём колониальных захватов. Однако в его выступлениях, в отличие от националистов, смысловым центром был не Рим как мировая империя (это подра-

зумевалось как следствие величия), а образ римлянина-патриция как сверхчеловека в духе Ницше. То есть, аристократического героя-вождя, презиравшего моральные условности и общественные ограничения, не знающего страха и сомнений и идущего к цели наперекор трудностям и судьбе.

Как свидетельствуют современники, д'Аннунцио в риторике своих выступлений очень откровенно и мастерски использовал рекомендации Г. Лебона из «Психологии толп»: *«... Толпа способна воспринимать лишь упрощённые до предела идеи. Чтобы увлечь толпу, нужно обращаться не к её разуму, которого нет, а к её воображению. Она топчет слабых и преклоняется перед сильными... Тип героя, дорогого сердцу толпы, всегда будет напоминать Цезаря, шлем которого прельщает тол-*

пу, власть внушает ей уважение, а меч заставляет бояться».

А ещё д'Аннунцио в своих романах, эссе, выступлениях явно ассоциировал себя со сверхчеловеком, по Ницше: «... Плебеи останутся всегда рабами, потому что у них врождённая потребность протягивать руки к цепям... Новый римский цезарь, природой предназначенный к господству, придёт уничтожить или переместить все ценности, которые слишком долго были признаваемы различными доктринами. Он будет способен построить и перебросить в будущее тот идеальный мост, по которому привилегированные породы смогут, наконец, перейти пропасть, теперь ещё отделяющую их, по-видимому, от возжеленного господства».

Отметим, что на первом этапе становления итальянского протофашизма популярность д'Анунцио даже превышала популярность Муссолини. И Муссолини лишь в ходе концентрации власти в своих руках постепенно отодвинул на второстепенные политическое роли этого слишком явного конкурента за роль вождя.

Не остались в стороне от конструирования итальянского фашистского мифа и многие деятели «новой культуры», и прежде всего футуристы. В частности, крупнейшая фигура итальянского футуризма, поэт Филиппо Маринетти, был восторженным почитателем Ж. Сореля и певцом «творящего насилия». Он был убеждён в неостановимой динамике прогресса, а также в особой роли в нём физически мощного и воинственного нового человека и новой могучей техники. Маринетти

в полемике с основным фашистским «древнеримским» мифом заявлял: *«Мы хотим восславить войну — единственную гигиену мира... Пусть назойливое воспоминание о римском величии будет перечёркнуто стократ большим величием Италии».*

Ещё одна яркая фигура итальянского протототализма — философ Джованни Джентиле. Ещё до Первой мировой войны он начал разрабатывать неогегельянскую философскую теорию «актуального идеализма» (книга «Общая теория духа как чистого акта» вышла в 1916 г.). Гегелевский Мировой Дух у Джентиле, как и человеческий дух, — это диалектика неразрывных интеллекта и воли, познающего мышления и действия.

По Джентиле, человеческое мышление, соединённое с волей, позволяет личности подниматься до исторических свершений, не при-

знающих никаких заранее установленных законов, и свободно творить свой собственный закон и свой мир. При этом Джентиле считал, что его актуальная диалектика наиболее полно проявляется в метафизике и философии государства. И — как бы развивая Гегеля — делал вывод о том, что тотальная творящая историю личность наиболее полно реализует своё предназначение в тотальном государстве.

После прихода фашистов к власти Джентиле увидел в них реализацию своего философского замысла. В 1923 г. он стал министром образования в первом фашистском правительстве, в 1925 г. издал «Манифест фашистских интеллектуалов к интеллектуалам всех наций», а в 1929 г. — книгу «Основы фашизма», где объявил фашизм новой *«политической верой...»*, способной *«создать»*

новое этическое государство».

Вот в такой концептуально-политической среде вызревал итальянский фашизм, вождём и олицетворением которого стал Бенито Муссолини.

Юрий Бялый

Диффузные сепаратистские войны

Националистическая песня
о регионализации под либе-
ральный аккомпанемент, или
Повторение пройденного

Посягательствам части либералов и «националистов-уменьшителей» на целостность страны можно противопоставить только жёсткую и консолидированную позицию власти в этом вопросе

Разрушение Советского Союза в 1991 году произошло в результате предательства своей страны частью партийной элиты, которая спровоцировала разрушительные экономические реформы и запустила механизмы обострения межнациональных отношений. Решающий вклад в процесс «межнационального развода» внесли провокационные заявления и действия союзных и республиканских властей, а также созданные в республиках не без участия партии и спецслужб националистические организации. Причём важ-

ную роль в этом «сепаратистском оркестре» играли так называемые русские националисты — уменьшители, ратовавшие за «*отделение национальных республик*» и создание «*Русского национального государства*».

Нечто похожее мы наблюдаем после недавних октябрьских событий в Бирюлёво, в результате которых с новой силой стала обсуждаться тема «*ограничения нелегальной миграции*». Обсуждение идёт в уже известном провокационном стиле, адресующем к «*необходимости*» и «*неизбежности*» отделения от России республик Северного Кавказа.

Преуспели в подобных заявлениях не только либеральные эксперты и журналисты (о чём мы писали в предыдущей статье), но и часть лидеров русского националистического движения, а также некоторые политики фе-

дерального уровня.

24 октября 2013 года на телеканале «Россия-1» в программе «Поединок» лидер ЛДПР (и глава партийной фракции в Госдуме) Владимир Жириновский заявил о Северном Кавказе следующее: *«Избыток населения приводит к тому, что часть этого населения становится на преступный путь. Допустим, мы где-то построим дополнительные предприятия, работу дадим. Но у них снова в семье ещё пять, десять, пятнадцать детей! Вся Россия будет работать на Кавказ!.. А русские с чем останутся — голодные и раздетые? Они должны рожать столько детей, сколько рождает в среднем человечество — один, два, всё!.. Не хотят — ограничим. Не хотят — окружим колючей проволокой... Пусть сами кормят,*

сами дают работу. . . ».

Лидер парламентской партии заявил о том, что часть населения России является для неё «обременением» и предложил такой вот способ «улучшить положение русского народа» (а заодно, исправить криминогенную обстановку в стране).

Во второй половине 1980-х мы подобные заявления уже слышали. Кончилось это отделением национальных республик. Советский Союз распался, а русским (как и другим народам России), по факту, стало жить неизмеримо хуже. Так что, сейчас России предлагают повторить «смертельный номер»? Ведь на эти провокационные заявления главы ЛДПР уже последовали достаточно жёсткие ответы со стороны северокавказских лидеров.

Так, глава Чечни Рамзан Кадыров назвал слова Жириновского «оскорблением милли-

онов граждан по национальному и религиозному принципу», а методы — «фашистскими».

Руководитель Карачаево-Черкесии Рашид Темрезов заявил, что за свои высказывания о Кавказе Жириновский должен нести ответственность: *«Я считаю неприемлемыми такие популистские высказывания со стороны политических деятелей в адрес народов. Такие заявления иначе, как экстремистскими, не назовёшь...»*

Депутаты парламента Кабардино-Балкарии в своём обращении к председателю Госдумы РФ, генпрокурору РФ и главе Следственного Комитета России призвали дать антифедералистским заявлениям Жириновского *«политическую, этическую и правовую оценку»*, ибо увидели в данной провокации *«прямое разжигание межна-*

циональной вражды, ведущее к развалу Российской Федерации».

К этим призывам присоединилось и Народное собрание Дагестана, обратившееся к президенту России и главам обеих палат Федерального собрания с требованием *«возбудить против политика уголовное дело»*.

В результате, «пламенный трибун» Жириновский, уже не первый раз допускающий подобные высказывания (например, его же фраза: *«Кавказ — ярмо России»*), отделался довольно мягким предупреждением со стороны Президента РФ В. Путина. И после этого лишь довольно неуклюже извинился, оправдываясь, что его, дескать, (опять!) *«журналисты не так поняли»*.

Понять данного политика, делающего себе (и своей партии) на протяжении многих лет пиар на «русской теме», было нетруд-

но. Жириновский, не предлагая ничего конструктивного и жизнеспособного, вновь сделал чисто популистское заявление, рассчитанное на расширение своего электората за счёт националистов-уменьшителей. Как всегда, не заботясь о том, что последствия таких пиар-ходов могут быть сокрушительными для государства.

Так, член думского комитета по законодательству, ветеран спецслужб (побывавший во время развала СССР во многих «горячих точках») Отари Аршба был очень конкретным в своей оценке: *«Время для «забав» давно прошло. Это не игры. За такими призывами, за такими словами, как правило, следует кровь. Кто за неё будет отвечать?»*.

Между тем, нагнетание антикавказских настроений (происходящее в результате це-

лого ряда случаев т.н. *«межнациональных конфликтов на бытовой почве»*, провокационных комментариев к ним со стороны ряда политиков, экспертов и журналистов, а также продолжающихся в стране терактов), превращается сейчас (как и во времена развала СССР) в одно из опаснейших направлений диффузной сепаратистской войны. И здесь свою лепту вносят и организации русских «националистов-уменьшителей», в очередной раз возглавившие в День народного единства «Русский марш» во многих российских городах.

3 ноября Центральный Оргкомитет, состоящий из лидеров нескольких националистических движений, утвердил *«окончательный вариант манифеста Русского марша-2013»*. В этом документе, наряду с традиционными для российской оппозиции политиче-

скими и экономическими требованиями, были пункты, ставящие под сомнение само существование Российской Федерации.

Например, пункт №1. *«Создание Русского Национального Государства!»*. (В более ранней редакции манифеста уточнялось: *«Россия должна быть признана монархическим государством русского народа... Россия будет русской!»*).

Далее.

Пункт №11 — *«Прекращение выплаты дани Кавказу»*. (Фактически этот тезис заменил лозунг прошлогодних маршей *«Хватит кормить Кавказ!»*)

Пункт №14 — *«Прекращение иностранной колонизации: визовой режим со странами Азии и Закавказья»*. (В более ранней редакции приводились и «практические рекомендации»: *«Главный лозунг сегодняшне-*

го дня — это лозунг жителей Бирюлёво: *Выселяй!*»).

Обратим внимание на то, что к организации так называемого «народного схода в Бирюлёво» были причастны многие активисты националистического движения. Теперь они же стали развивать эту «протестную тему» и при подготовке «Русского марша».

Основное и самое массовое (порядка 8 тысяч человек) шествие националистов состоялось 4-го ноября в Москве, в районе Люблино.

Главная роль в подготовке «Русского марша» (как и в предыдущие два года) принадлежала этнополитическому объединению «Русские», созданному в мае 2011-го на основе запрещённых судом «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) и «Славянского Союза» (СС). Бывшие лидеры ДПНИ и СС А. Белов-Поткин и Д. Дёмушкин объеди-

нили тогда в новую структуру часть националистических и неофашистских организаций России. Впоследствии в этом объединении оказалась и Национально-демократическая партия, возглавляемая К. Крыловым и В. Тормом (вошедшими в первый Координационный совет оппозиции).

Такой состав этнополитического объединения «Русские» объясняет многое. И участие в «Русском марше» «зигующей» молодёжи, скандирующей: *«Россия для русских!.. Москва для москвичей!.. Держи кровь чистой!»* (Речевки с упоминанием Кавказа сопровождались нецензурными выражениями.) И наличие таких лозунгов, как *«Люблино — это новое Бирюлёво!»* и *«Бирюлёво — начало войны!»*, соседствовавших на шествии с портретом «покорителя Кавказа» генерала

А. П. Ермолова. И внимание к шествию части либеральных журналистов, пытающихся, с подачи Д. Дёмушкина и В. Тора, представить «Русский марш», как *«легальную форму политического протеста... с национальной повесткой дня, с которой властям придётся считаться»*.

Отметим, что один из лидеров «оранжевой» оппозиции А. Навальный, призвав своих сторонников прийти на «Русский марш», сам отказался в нём участвовать. По его словам, он не захотел быть заснятым многочисленными фотографами *«на фоне зигующих школьников»*.

Раньше такая перспектива, а также участие в шествии с лозунгами «Хватит кормить Кавказ!» Навального не пугали. По-видимому, нацеленный на дальнейшее участие в политических выборах оппозицио-

нер решил пропустить мероприятие, против которого высказалась часть внесистемной либеральной оппозиции (всё же «будущий электорат»). При этом обращение Навального к своим сторонникам демонстрирует, что он не собирается отказываться от поддержки со стороны участников «Русского марша», среди которых находятся не только «националисты-уменьшители» и неоязычники, но и представители православных организаций и казаки...

Необходимо отметить, что в 2013 году «Русский марш» приобрёл более широкий характер: согласно оценкам журналистов, он охватил около 100 российских городов. Самые крупные шествия прошли в Москве (минимум 8 000 человек), Новосибирске (более 2 000), Санкт-Петербурге (2 000), Нижнем Новгороде (1 500) и Екатеринбурге (1 200).

Тысячные марши состоялись в Краснодаре, Волгограде, Тольятти, Перми.

Во время шествий в регионах националисты в основном выдвигали те же лозунги, что и в Москве (*«Россия — для русских!»*, *«Государство вторично, нация первична!»* и т.д.). Однако в ряде городов (например, в Новосибирске и Нижневартовске) к «Русскому маршу» присоединились и местные регионалисты с лозунгом *«Хватит доить Сибирь!»*. В Хабаровске в колонне вместе с националистами шли сторонники образования независимой Дальневосточной республики (ДВР), активно проявившие себя ещё во время протестных митингов 2009 года в Приморье.

Таким образом, в «Русском марше-2013», прошедшем от Калининградской области до Камчатки, несмотря на обилие в колоннах

имперских знамён, вновь доминировали лозунги «националистов-уменьшителей», адресуемые (как и во времена развала СССР) к обострению межнациональных отношений. И во многих регионах под этими лозунгами участие в шествии приняли представители внесистемной оранжевой оппозиции и откровенные регионалисты.

А спустя почти неделю после «Русского марша» тему территориальной целостности страны затронули либеральные тележурналисты.

12 ноября по каналу НТВ в передаче «ЧП. Расследование» был показан документальный фильм «Кто хочет развалить Россию?»

В фильме были приведены наиболее провокационные заявления российских и зарубежных политиков, экспертов, журналистов и откровенных сепаратистов о предстоящем

распаде России. Среди самых ярких сюжетов: диалог на радиостанции «Эхо Москвы» между Е. Альбац и А. Венедиктовым о том, что *«Россия разделится по Уральскому хребту»*; интервью с неоязычником и лидером «Сибирского Державного Союза» А. Будниковым, строящим *«планы по отделению Сибири»*; выступление правозащитника Л. Пономарёва относительно того, что южные острова Курильской гряды *«надо отдать Японии»*; поддержка А. Навальным лозунга *«Хватит кормить Кавказ!»*; планы по *«созданию на территории России исламского халифата»*.

Было также дано слово политикам и экспертам, осудившим посягательство на российские территории. Прозвучало даже предложение *«сажать в тюрьму»* за сепаратистские призывы. Но, во-первых, выбранный ав-

торами фильма жанр расследования и интенсивная форма подачи материала больше адресовали к «пропагандистской агитке» (чем к серьёзному разговору), где разоблачения в адрес «врагов России» выглядели менее яркими, чем подробно озвученные намерения сепаратистов. Во-вторых, среди защитников территориальной целостности страны оказались и люди, которые только что себя скомпрометировали выступлениями в совсем другом качестве. Например, тот же лидер ЛДПР В. Жириновский, который может сам «попасть под статью», если Госдумой будет принят законопроект, предусматривающий *«уголовную ответственность за призывы к расчленению Российской Федерации»*.

И поэтому после просмотра фильма возник вполне закономерный вопрос: а для чего авторы делали своё произведение? Для ин-

формирования зрителя — или для психологической подготовки населения страны к её очередному распаду?

Посягательствам части либералов и «националистов-уменьшителей» на целостность страны можно противопоставить только жёсткую и консолидированную позицию власти в этом вопросе. Которая может и должна быть выражена через создание и последовательную реализацию стратегии восстановления в России прочных межнациональных отношений.

А в эту стратегию придётся включить остановку и разворот ныне продолжающихся разрушительных либеральных реформ — не только в сфере экономики, но и в сферах социальной, семейной и культурной политики. Придётся в эту стратегию включить продуманную и последовательную информа-

ционную политику. Таковую, которая напомним всем этническим и социальным группам российского общества катастрофические последствия разрушения СССР и восстановит общественный иммунитет к разного рода провокациям, ведущим к очередной государственной катастрофе.

Эдуард Крюков

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Надо же, мы восхищаемся соединением марксизма и христианства в далёкой от нас латиноамериканской теологии освобождения. И не замечаем того же самого соединения у себя под носом, в отечественной поэзии!

Жан-Луи Гро.

Портрет Жюли Рекамье (1825)

В предыдущем номере я сообщил читателю, что альтернативой построению рая на земле (кстати, никакими высшими церковными решениями не осуждённому) является построение ада на земле. И что реально существует и проект построения такого ада, и субъект, заинтересованный в осуществлении этого проекта.

О содержании проекта чуть позже. Что же касается субъекта, то им действительно стал господствующий капиталистический класс, начитавшийся Маркса и убедившийся в том, что сохранить господство можно, только прекратив историю. А желательно — так и обернув её вспять.

Не первый раз я говорю об этом. Но поскольку все мои статьи: хоть метафизические, хоть философские, хоть культурологические — посвящены прежде всего политике,

то речь идёт не о том, чтобы однажды проку-
карекать, а там хоть и не рассветай. А о том,
чтобы упорно доказывать — да, именно упор-
но, по многу раз — что дважды два четыре.

Тебя посылают с твоими доказательства-
ми на три буквы?

Ну и что? Проявляй упорство, настойчи-
вость — или прекращай заниматься настоя-
щей политикой. То есть не только управлени-
ем общественной энергией — управлять этой
энергией совершенно необходимо, но этого ка-
тегорически недостаточно. Энергию общества
надо очищать от мути, тьмы, злого животно-
го начала. Это хорошо ещё, если животного.
Будучи заведомо больным животным (ни те-
бе шерсти, ни клыков, ни полноценных ин-
стинктов), человек может быть или лучше,
или хуже животного.

Человек, ставший хуже животного, — это

и есть обитатель ада. А ещё есть те, кто создаёт условия, при которых человек становится хуже животного. Это строители ада — тёмного града на земле. Строя его, они, конечно, рассчитывают стать его хозяевами. Но нет ничего наивнее такой изощрённой расчётливости существ, кажущихся себе невероятно сложными и дальновидными. Так что насчёт хозяев ада — это вопрос, который требует отдельного обсуждения.

«А разве такое обсуждение не обречено на то, чтобы оказаться конспирологическим? И как же это совместимо с вашим яростным неприятием конспирологии?» — спросит меня читатель.

Попробую ответить на вопрос, не растекаясь мыслью по древу. Для этого ещё раз процитирую замечательный фрагмент из поэмы Александра Блока «Возмездие»:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобой в мрак ночной, беззвёздный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей — пополам!),
Век не салонов, а гостиных,

Не Рекамье, — а просто дам. . .

Здесь ненадолго прерву цитирование.

Во-первых, для того, чтобы обратить внимание читателя, насколько характеристика XIX века, данная Блоком, близка нашему времени.

А во-вторых. . . Поскольку современный читатель, особенно получавший образование в постсоветскую эпоху, рискует споткнуться о фамилию Рекамье, сообщу ему необходимые сведения.

Жюли Рекамье, в девичестве Бернар, родилась в Лионе в семье нотариуса. В 1786 году её отцу повезло, он получил престижное предложение и переехал вместе с семьёй в Париж.

В суперреволюционном 1793 году (читайте роман Виктора Гюго «Девяносто третий год») очаровательная Жюли Бернар вышла

замуж за банкира Жака Рекамье, который был старше её на 26 лет. Это странное замужество (многие считают, что Жак Рекамье ценил дружбу жены намного больше, чем любовные утехи) подарило революционному Парижу салон Жюли Рекамье. Дело в том, что Жак Рекамье, восхищённый умом и красотой Жюли, был человеком широким. Он вовсе не собирался эгоистично вести себя, уподобляться турецкому султану и запихивать красавицу в гарем. Напротив, он подарил Жюли на свадьбу особняк бывшего королевского министра финансов Неккера. Того самого знаменитого Жака Неккера, чья отставка в 1781 году послужила, как считают историки, прологом к Великой Французской революции. И предоставил супруге полную свободу интеллектуального и иного самовыражения.

Жюли воспользовалась подаренным рос-

кошным особняком совсем не так, как наши новорусские нувориши. Она превратила этот особняк в знаменитейший салон своего непростого революционного времени. И это при том, что одно неверное слово, брошенное в запальчивости полемистами, скрестившими интеллектуальные шпаги, в ту суровую годину вполне могло закончиться казнью острослова, проявившего политическую бестактность.

В салоне Жюли блистал знаменитый французский писатель Рене де Шатобриан. Лучшей подругой Жюли была легендарная мадам де Сталь, которая как никто знала толк в салонах. Перечисление всех знаменитостей, восхищавшихся Жюли и посещавших её салон, превратило бы эту статью в развёрнутую светскую хронику. Поэтому скажу лишь, что начав раскрутку своего салона в революционную эпоху и не загремев под

фанфары, Жюли взошла на вершину славы при Наполеоне при очевидном покровительстве его брата, Люсьена Бонапарта. Впрочем, покровительствовать Жюли стремились многие. И принц Август Прусский, и наполеоновский маршал Жан-Батист Бернадот. Другое дело, что Жюли держала на определённой дистанции всех своих поклонников, не позволяя тем самым перевести себя в категорию «просто дам», то бишь Ксюш Собчак той далёкой эпохи.

Жюли находилась в оппозиции императору Наполеону I. Её салон несколько раз закрывали. Когда Наполеон выслал мадам де Сталь, Жюли продолжала поддерживать связи с попавшей в опалу оппозиционеркой. Её удалили из столицы. Она путешествовала и вернулась в Париж уже после реставрации Бурбонов. В 1819 году она переехала в мо-

настырь Аббе-о-Буа, но и в нём продолжала устраивать приёмы. С нею до самой смерти оставался её ближайший друг, блестящий философ и литератор своей эпохи Рене де Шатобриан.

Итак, я сообщил юному читателю, каких немало, некие сведения, позволяющие ему избежать спотыкания на фамилии Рекамье. И одновременно обратил внимание всех читателей на странные совпадения между образом ХІХ века, создаваемым Александром Блоком, и тем, что мы имеем сейчас.

После чего считаю себя вправе продолжить цитирование.

*Век не салонов, а гостинных,
Не Рекамье, — а просто дам...*

*Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).*

Под знаком равенства и братства

Здесь зрели тёмные дела...

Блестящая оценка капитализма... Ведь его «тёмные дела» создания ада на земле именно «зрели» «под знаком равенства и братства»... И тут каждое слово на вес золота. И слово «зрели», и слова «под знаком» (не абы как, а именно под), и то, что зрели именно «тёмные дела» — всё тут одинаково точно и одинаково важно.

Дав свою блестящую оценку капитализму, Блок задаётся главным гуманистическим вопросом. Вопросом о человеке.

А человек? — Он жил безвольно:

*Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...*

Задав этот главный гуманистический вопрос, Блок далее очень сурово расправляется с гуманизмом.

*Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:*

Но пусть читатель сходу не пытается негодовать по поводу словосочетания «гуманистический туман». По поводу того, что этот туман называют серым и гнилым. Что именно под воздействием этого тумана, по утверждению Блока, не только увяла плоть, но и погас дух (как мы видим, ключевой вопрос о погашении духа волновал великого поэта столет назад ничуть не меньше, чем он волнует нас сейчас). Пусть читатель сначала обратит внимание на ключевую мысль Блока, соглас-

но которой есть он, этот вполне земной демиург, ведающий и управляющий марионетками всех стран (то есть правительствами) и сознательно насылающий на народы этот туман.

Читатель обратил уже на это внимание? Что ж, тогда пора поговорить о гуманизме, точнее, о совершенно разных значениях, придаваемых этому слову.

Я, между прочим, уже сообщал читателю, что религиозный гуманизм существует наряду с гуманизмом светским. И даже предложил положить в основу классификации богов в той или иной религии их отношение к человеку. Ибо даже в древнем Вавилоне боги спорили о том, хорош или плох человек. И кто-то из богов спасал человека, а кто-то злоумышлял против него.

И впрямь и презрительные отзывы о че-

ловеке, и восхваления в адрес этого необыкновенного существа присущи каждой эпохе. И впрямь каждой эпохе, а не только эпохе Возрождения, присущи своя человекофилия (она же гуманизм) и человекофобия (она же антигуманизм). И, конечно же, христианство в невероятной степени способствовало триумфу человекофилии. Перевело эту самую человекофилию в новое качество, придало ей невероятный накал, превратило её в стержень создаваемой христианской культуры.

Так-то оно так. Однако многие, к сожалению, упорствуют, утверждая, что истоки современного гуманизма восходят к эпохе Возрождения, а вовсе не к ранним историческим, а также предысторическим временам. Что духом гуманизма является именно борьба с христианством вообще и с церковью в первую очередь. Что эта борьба носит по сути своей

классовый характер и является частью борьбы буржуазии с феодальной аристократией и духовенством. Что в основе такого гуманизма, якобы возникающего ниоткуда в XV—XVI вв. нашей эры (и максимум максиморум черпающем смыслы из античных источников), находится естественное стремление к наслаждению, то бишь гедонизм.

Представьте себе, сторонники такого отношения к гуманизму как таковому и впрямь уверены, что осью гуманизма, его духом является стремление к земному наслаждению, земному счастью, естественному человеческому состоянию и так далее. И это бы ещё победы. Но сторонники такого отношения к гуманизму почему-то вводят в число величайших гуманистов и Петрарку (ни к какому гедонизму явно не тяготевшему), и Пико делла Мирандолу (создателя так называемой хри-

стианской каббалы), и Данте Алигьери (вот уж кто не имел никакого отношения к гедонизму и светскости), и Леонардо да Винчи. И Уильяма Шекспира. И Фрэнсиса Бэкона. Нда...

Кстати, о буржуазности очень разноликого Ренессанса. Она более чем сомнительна. Буржуазия, как мы знаем, боролась с феодальным конкурентом прежде всего под флагом религиозной реформации. То бишь протестантизма. В котором гедонизма ещё намного меньше, чем в католицизме, не правда ли?

Что же касается естественной природы человека, то опять-таки — что понимать под естественностью?.. Если отношения «человек человеку волк» — это одно. А если восклицание того же Блока «товарищи, мы станем братья» — то это другое.

Говоришь ты, например, о судьбоносности

проблемы гуманизма в ХХІ столетии. О том, что конец истории — это конец гуманизма и конец человечности как таковой.

Что человечность и гуманизм совпадают.

Что враг человечества — это и есть враг гуманизма.

Что сутью фашизма является антигуманизм.

Что у христианства (да и у всех мировых религий) нет сейчас более важной задачи, чем борьба за гуманизм.

Что бороться за гуманизм религиозные люди должны бок о бок со светскими.

А тебе в ответ на это кто-то обязательно скажет: «Да знаем мы этих гуманистов! Они за гедонизм агитировали и религию охаивали самым пошлым образом. И, кстати, в пантеоне этого вашего гуманизма почётное место занимает Франсуа Рабле — тот самый,

которого восхвалял ратующий за карнавал и крайне вам несимпатичный Бахтин».

Такие возражения порою порождают сомнения: «Может быть, и впрямь заменить слово «гуманизм» каким-то иным, не вызывающим аллергии в религиозных кругах?»

Но возникают такие сомнения в минуту слабости. Потом эти самые минуты проходят. И ты понимаешь, что либо — либо. Либо слову «гуманизм» будет придан настоящий смысл, либо мы, отсекая тянущийся за этим словом негативный гедонистическо-антирелигиозный шлейф, потеряем больше, чем приобретаем.

Человек — это существо, противопоставляющее себя природе. Существо, создавшее для этого противопоставления культуру и социум. Это существо, которое одинаково противостоит и механистичности (высшим вы-

ражением которой является механистичность работа), и животности.

Человек не кукла (в очень древнем и очень зловещем порой образе куклы явно есть предчувствие пришествия работа) и не зверь. Он существо, воюющее на два фронта — и против озверивания, и против оукления.

Был такой вполне гениальный философ Фридрих Ницше. Будучи человеком сверхтонким, невероятно образованным и именно гуманистическим по сути своей, он проклял этот гуманизм, заявив о том, что наращивание гуманистичности неминуемо обернётся смертью человека и пришествием куклы. Ницше ничего не знал о работах. Он жил в ХІХ веке, то есть тогда, когда никакой роботизацией ещё и не пахло. Но ему показалось, что механистичность западной цивилизации, её технократический (как иногда говорят —

фаустианский) дух не может не обернуться смертью человека и пришествием пародии на человека — этакое человекоподобного механизма, полностью лишённого столь ценимого Ницше живого, жизненного начала.

Во имя отстаивания человека, во имя спасения человека от порабощения машиной Ницше восславил белокурую бестию — человека, вернувшего себе природное (то бишь звериное) начало.

Разве можно отрицать частичную правоту утверждений Ницше по поводу угрозы человеку и человечности, таящейся в наступающей на человека механистичности?

Разве можно не признать, что Ницше гениально уловил эту угрозу, гениально описал её и так далее?

Разве можно отрицать правоту утверждений великого немецкого философа Хайдеггера

ра, фактически развивавшего многие мысли Ницше и тоже страшно обеспокоенного возможностью порабощения человека машиной?

Мне представляется, что только начётчик от совсем банального гуманизма может так вульгарно отнестись к прозрениям Ницше и Хайдеггера. Но ведь и впрямь нацисты взяли на вооружение философию Ницше. И очень сильно заигрывали с поддавшимся их обаянию Хайдеггером. Вот и получается, что даже самые великие люди, отрекаясь от гуманизма, немедленно попадают в ловушку фашизма.

К началу ХХІ века обнаруживается, что фашистских ловушек две. Есть технофашизм, который особо триумфально начал развиваться в связи с прогрессом в робототехнике. И биофашизм, занятый теми или иными перепевами классической фашист-

ско/нацистской тематики об ужасе механистического мира, о необходимости вернуться к утерянной природной самости человека и так далее.

Кстати, биофашизм всегда так или иначе связан с отрицанием христианской религии, монотеизма в целом. Этот самый биофашизм — если его и впрямь начать расковыривать — всегда обнаруживает свою специфическую неоязыческую суть. И чаще всего внимательное исследование этой сути выявляет сокрытое от профана нисхождение от дегуманизированного христианства к обычному (ни с какой тьмой как бы и не заигрывающему) неоязычеству. От такого неоязычества — к чему-то более тёмному. И, наконец, — конечно, если хватает мужества довести это самое расковыривание биофашизма до конца, не испугавшись явленных тебе ликов, — ты обнару-

живаешь нечто предельно тёмное и явно адресующее к сокрытому началу, сутью которого является не только сосредоточенная ненависть к человеку, но и не менее сосредоточенная ненависть к жизни как таковой.

Биофашизм начинает с прославления жизни. *«Над жизнью нет судьи»*, — сказал Ницше. Биофашизм начинает с призывов спасти человека от машинизации, роботизации, окукления. Но эти справедливые призывы очень быстро обнаруживают свою предельную двусмысленность. Где-то там, в почти бездонных глубинах пра- и антиистории, экстатическое утверждение жизненности как несомненного и единственно почитаемого начала перерастает в культ смерти.

Все оргии античности — как открытые, так и предельно закрытые — предполагали самоубийство в момент достижения высше-

го упоения жизнью. И это неслучайно. Потому что невозможно поставить во главу угла жизнь, понимая, что она подвластна смерти. Чем более самодостаточным и, я бы сказал, самодовлеющим является упоение жизнью, тем быстрее оно обнаруживает свою недостаточность и переходит в яростное стремление расправиться с обманчивым и двусмысленным поклонением жизни как предельному и единственно праведному началу.

История учит нас тому, что все, кто предавался такому поклонению жизни именно как предельному и единственно праведному началу, вскоре приходили к поклонению смерти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Никоим образом не желая придавать простым и незатейливым вещам несвойственное им фундаментальное значение, я тем не менее уже не раз обращал внимание читателя

на коварность известной советской песни «Я люблю тебя, Жизнь» на стихи К. Я. Ваншенкина.

На то, что особо коварными являются строки:

*Вновь ты с ними пройдёшь
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки, потом
Всё опять повторится сначала.*

Кстати, Константин Ваншенкин совсем не профан, не способный ощутить коварство этих строк. Он — из голландской семьи Ван Шенков. Его дед Михель Ван Шенк переехал в Российскую империю из Голландии. Мать Ваншенкина — учительница немецкого языка Фаина Давыдовна Шварц, человек глубоко образованный. Биография Контантина Ваншенкина вполне героична. В 1942 году он 17-летним мальчиком ушёл на фронт.

После фронта недолго учился в геологоразведочном институте. Потом перешёл в Литинститут. Там встретил будущую жену Инну Гофф (автора знаменитой песни «Русское поле») и прожил с нею долгую счастливую жизнь.

Так что у нас нет никаких оснований ни для демонизации Ваншенкина, ни для его, я бы сказал, профанизации: мол, охота вам придавать высокий философский смысл словам какого-то обыкновенного советского песенника... Ваншенкин не был обыкновенным советским песенником. Он был человеком очень образованным. И, безусловно, знакомым с творчеством Ницше. Тем более, что книги Ницше в советскую эпоху запрещены не были. Да, не каждый писатель, выдвинувшийся из пролетарских низов, был знаком с творчеством Ницше. Для такого знакомства

нужна была особая тяга к философии. Но Ваншенкин был не из пролетарских низов. При его биографии и его интересе к мировой поэзии и философии просто невозможен абсолютно случайный характер приведённого мной четверостишия.

Никакой охоты на ведъм я в этой связи объявлять не собираюсь. И собственно, почему бы не сказать, что ты любишь жизнь? Гораздо хуже, по-моему, сказать, что ты её ненавидишь. Кстати, в песне Ваншенкина есть все необходимые советские оговорки (*«Я люблю тебя, Жизнь, И хочу, чтобы лучше ты стала»*).

Так-то оно так... Но Александр Трифонович Твардовский (сам написавший *«Бой идёт святой и правый. Смертный бой не ради славы, Ради жизни на земле»* и одновременно сказавший, что без связи с мёртвы-

ми мы будем травой и не более того) признавал Ваншенкина одним из очень талантливых советских поэтов. И одновременно относился к нему с некоторой настороженностью. Но бог с ним, с Ваншенкиным и его вечным возвращением (*«всё опять повторится сначала»*).

Поговорим лучше о вечном возвращении Ницше. Подчеркнув, что о наличии такового Ваншенкин не мог не знать. И что, вообще-то говоря, любое восхваление жизни, сочетаемое с идеей этого самого вечного возвращения, просто по определению не может не иметь сильного ницшеанского привкуса.

Сам Ницше рассказывает, что идея вечного возвращения явилась к нему в августе 1881 года во время пути из швейцарской деревушки Сильс-Мария в Сильвапланд. Шёл, значит, он из самой деревушки в Сильвапланд

и присел отдохнуть у пирамидальной скалы. И тут его озарила мысль, появление которой он, подобно классическому религиозному мистику, предчувствовал последние несколько дней.

Эта мысль, по его словам, представляла собой *«высшую формулу утверждения, которая вообще может быть достигнута»*. Ницше вдруг понял (или, точнее, и понял, и ощутил), что время в его бесконечном течении когда-нибудь обязательно вновь породит то, что имеет место сейчас. То есть что через какое-то количество лет человек, во всём похожий на него (то есть не просто похожий, а абсолютно тождественный ему самому), сидя у абсолютно такой же скалы, будет озарён абсолютно такой же мыслью. И что это будет происходить бесконечное количество раз.

Ницше прекрасно понимал, что если посетившая его мысль верна, то ни о какой небесной жизни или каком-либо другом утешении речи быть не может. Что эта мысль вообще исключает всякую надежду, а также веру, любовь и так далее. Что она фундаментально антигуманистична (вновь подчеркну, что здесь подразумевается гуманизм в широком и даже широчайшем смысле этого слова). Что в каком-то смысле она ещё и антижизненна. Что она ужасна, а не благостна. Что она безжалостна. Причём абсолютно безжалостна. И что одновременно она придаёт энергетику каждой минуте жизни. И что именно вместе с этой мыслью в жизнь втекает нечто, насыщающее эту самую жизнь началом бесконечно упругим, бесконечно плотным, бесконечно негативным и так далее: *«Пусть всё беспрерывно возвращается. Это есть выс-*

шая степень сближения между будущим и существующим миром. В этом высшем возвращении высшая точка мышления».

Нет нужды говорить, что это агрессивно антиисторическая мысль — ведь это столь очевидно. Либо история, либо вечное возвращение. Гораздо важнее подчеркнуть наличие некоего начала, которое через вечное возвращение втекает в жизнь. Обратив внимание читателя на то, что если это начало через вечное возвращение втекает, то само оно жизнью не является. А значит, может относиться к жизни как угодно. В том числе и глубоко негативно.

В своей великолепной работе «Эссе хомо» Ницше пишет, что ему было явлено нечто *«в начале августа 1881 года в Sils Maria, 6 500 футов над уровнем моря и гораздо выше всего человеческого (6 000 футов по*

ту сторону человека и времени)».

При этом Ницше понял, по его словам, что явленное ему в Sils Maria должно стать главным в его учении. Но не просто главным, а самым ужасным. Настолько ужасным, что сам он, Ницше, только прикоснувшись к этому ужасу, уже испытывает чудовищные содрогания. О том, что Ницше был всё время прикован к этим содроганиям, к их беспредельному ужасу и одновременно никогда не хотел говорить об этом ужасе, свидетельствуют многие из тех, кто хорошо знал Ницше. Например, Лу Саломе — та женщина, с которой он писал белокурую бестию. Лу Саломе повествовала о незабываемом моменте, когда Ницше очень тихо доверил ей свою тайную мысль о вечном возвращении. И одновременно поведал, что он не будет развёрнуто излагать эту мысль до поры до времени. Что ему нужны

какие-то доказательства её предельной значимости.

Кое-что об этом Ницше сказал в ряде своих работ. Например, книгу «Так говорил Заратустра» он замыслил именно как книгу, несущую сквозь субстанцию текстуальности некую почти незримую идею вечного возвращения. Но сформулировать до конца свою идею вечного возвращения Ницше не мог. Он боялся этого. В его неопубликованных работах есть набросок книги под названием «Вечное возвращение: пророчество». Но не зря ведь Ницше отказался от того, чтобы его Заратустра поведал человечеству не только о сверхчеловеке, но и об идее вечного возвращения (она же идея возврата).

Размышляя о том, почему Ницше не позволил Заратустре стать пророком идеи возврата, Хайдеггер утверждал, что ницшевский

Заратустра не мог начать с идеи возврата. Что только породив идею сверхчеловека и приведя человеческое существо в том виде, в каком оно пребывает сейчас, к неосуществлённой человеческой сущности, можно поведать этому новому существу тайну великого возвращения. И при этом рассчитывать на адекватность понимания и правильность воздействия поведенного. Тем самым Хайдеггер признавал, что таинство сверхчеловека есть экзотерика (то есть адресованная всем часть учения) Ницше. А вечное возвращение — это ницшеанская эзотерика (то есть тайная, сокровенная часть).

Считается, что учение о вечном возвращении должно унижить всех слабых (то есть христиан, гуманистов и так далее). И укрепить сильных, которые одни только способны жить, понимая, что у жизни нет ни смысла,

ни цели. А есть одно это вечное круговращение, при котором всё и именно всё опять и опять повторяется.

Ницше убеждён, что только сверхчеловек может вынести мысль о вечном возвращении. И что эта мысль может привести его к ликованию (напоминаю читателю о ликовании — *«так ликуй и верши»* — в песне Ваншенкина).

Что же касается обычного человека, то мысль о вечном возвращении должна его сломать, привести в трепет, превратить в слизь. Ницше пишет: *«Слабый ищет в жизни смысла, цели, задачи, предустановленного порядка; сильному она должна служить материалом для творчества его воли. Сильный любит нелепость жизни и радостно приемлет свою судьбу».*

А вот ещё: *«Я приемлю тебя, жизнь,*

какова бы ты ни была: данная мне в вечности, ты претворяешься в радость и желание непрерывного возвращения твоего; ибо я люблю тебя, вечность, и благословляю кольцо колец, кольцо возвращения, обручившее меня с тобою».

Время от времени что-то сообщая по поводу вечного возвращения, Ницше сам себе постоянно затыкает рот. Он сознательно не даёт окончательного развития этой идее. Вечное возвращение... По его поводу бытуют самые разные точки зрения. Немецкий невропатолог и клиницист П. Мёбиус в книге «Патологическое у Ницше» трактует это самое вечное возвращение как очевидное свидетельство умственного расстройства у философа. Рационалистически настроенный критик Бертрам, комментируя эту идею, говорит о безумной мистерии позднего Ницше.

Многие, напротив, подчёркивают, что Ницше, досконально зная древнегреческие тексты, просто не имел права выдавать эту мысль о вечном возвращении за своё личное открытие. Им оппонирует не только Хайдеггер, но и известный постмодернист Делёз.

Хайдеггер считает, что вечное возвращение и воля к власти очень прочно связаны воедино. Для Хайдеггера очень важно противопоставить идею вечного возвращения гуманизму и истории. И доказать, что сущее не имеет ничего общего с движением к какой-либо цели. Что оно-то и является вечным возвращением к собственной природе. Вернуться к которой можно только через волю к власти.

Постмодернист Делёз настаивает на том, что вечное возвращение Ницше не имеет ничего общего с циклами античности или с циклами, как их понимает древний Восток. Глав-

ное для Делёза в том, что вечно возвращается только сверхчеловек, подтверждающий свою избранность через это вечное возвращение. Что же касается самого Ницше, то он считал свою мысль о вечном возвращении абсолютно новаторской, ни на что не похожей, имеющей судьбоносное значение для человечества, знаменующей потрясающий переворот. Он назвал эту мысль великой, победоносной, сокрушающей все иные концепции жизни. Вот что он писал в конце своей жизни по поводу вечного возвращения: *«Представь себе, однажды днём или, может, ночью тебя в твоём уединеннейшем уединении неожиданно посетил бы злой дух и сказал бы тебе: «Эту жизнь, которой ты сейчас живёшь и жил доньше, тебе придётся прожить ещё раз, а потом ещё и ещё до бесконечности; и в ней не бу-*

дет ничего нового, но каждое страдание, и каждое удовольствие, и каждая мысль, и каждый вздох, и все мельчайшие мелочи, и всё несказанно великое твоей жизни — всё это будет неизменно возвращаться к тебе, и всё в том же порядке и в той же последовательности... Песочные часы бытия, отмеряющие вечность, будут переворачиваться снова и снова, и ты вместе с ними, мелкая песчинка, едва отличимая от других!» Разве ты не рухнул бы под тяжестью этих слов, не проклинал бы, скрежеща зубами, злого духа? Или тебе уже довелось пережить то чудодейственное мгновение, когда ты, побравшись с силами, мог бы ответить ему (то есть злему духу — С.К.): «Ты — бог, и никогда ещё я не слышал ничего более божественного!»

Итак, мы познакомились с масштабной, всеобъемлющей, всесокрушительной, злой накалённой страстью Ницше. А также со странным, в чём-то созвучным этой страсти, но пропитанным сентиментальным лепечущим началом текстом Ваншенкина. О Ваншенкине я больше говорить не буду. Я поделился с читателем своим ощущением (и именно ощущением) того, что есть в ваншенкинском простеньком тексте что-то от просачивания этого самого вечного возвращения в чуждый ему мир. В советский мир. Мир, глубоко антиницшевский. Мир, пронизанный гуманистической осмысленностью, высшим целеполаганием, возвеличиванием истории. А главное — совершенно другим представлением о человеческой сущности.

Коммунизм — и марксистский, и иной — тоже грезит соединением человека с его сущ-

ностью. Но взгляд на эту сущность, предложенный Ницше, а главное, ницшеанская мистерия воссоединения со своей сущностью через вечное возвращение, не просто не совпадают с коммунистическим — марксистским и иным — представлением о сущности.

Коммунистическое (вновь подчеркну — и марксистское, и иное) представление о воссоединении человека со своей сущностью диаметрально противоположно ницшеанскому, то есть фундаментально фашистскому. Я совершенно не собираюсь приравнивать Ницше к Гитлеру. Но я и фашизм, и нацизм как его крайнюю фазу тоже не хочу приравнивать к Гитлеру. Кроме того, и Гитлер совсем не так прост, как это изображалось в советской историографии, да и либеральной тоже.

Конечно, во время борьбы с гитлеризмом могло быть полезным умаление Гитлера, его

осмеяние. Но сразу же после 9 мая 1945 года с этим надо было завязывать. А это продолжилось: «Ах, ничтожество! Ох, бесноватый фюрер!»

Подчеркну ещё раз: и глубокий фашизм, и подлинный коммунизм едины в том, что человек должен быть соединён со своею сущностью. Но они диаметрально противоположным образом понимают, что такое эта сущность. И именно диаметрально противоположное понимание этого обстоятельства породило столь яростную сшибку фашизма/нацизма и коммунизма.

Либералы же, придя в ужас от фашистского оскала (подлинное глубокое имя которому — сверхчеловек плюс вечное возвращение), стали умолять коммунистов спасти их от этого оскала. Коммунисты, возможно, и не стали бы этого делать. И предпочли бы раз-

бираться с нацистско-фашистской гадиной после того, как она пожрала либерализм. Но гадина прыгнула на них. Кто-то скажет, что она была на них натравлена либералами. На мой взгляд, это не имеет решающего значения. Но уж коли об этом зашла речь, то поясню, почему для меня все эти разговоры о либералах (британских, прежде всего), натравивших фашизм/нацизм на коммунизм, являются байками. Для меня они, разговоры эти, являются байками потому, что фашизм/нацизм не мог не прыгнуть на коммунизм. Он видел в коммунистический утверждении иного человека и иного воссоединения этого человека со своей сущностью смертельнейшую угрозу для себя.

Меня спросят: «Много ли коммунистов того времени понимали то, что вы сейчас говорите? И много ли нацистов/фашистов были

способны так это всё проартикулировать?»

Отвечаю. Для того чтобы прыгнуть, не обязательно что-то понять. Кстати, кто-то из нацистов/фашистов что-то понимал. Да и из коммунистов тоже. Но неважно, каков был процент понимающих. Может быть, таковых был один процент или даже менее. И что с того?

Ощущения в таких случаях важнее понимания. Взаимное ощущение чуждости и диаметральной противоположности красного и чёрного породило великую сшибку, завершившуюся красной победой 9 мая 1945 года. В метафизическом плане это была победа Красной весны над Чёрной весной, победа нового человека, способного вернуть себе отчуждённую, украденную сущность, вернуть себе целостность, вернуть себе право на преобразование всего и вся, в том числе се-

бя самого — над белокурой бестией. Которая стремилась обрести свою — чёрную, а не красную — волево-властную сущность не в историческо-сверхисторической красной мистерии, а в чёрной мистерии вечного возвращения.

Но и вечное возвращение, и волево-властная сущность — это мощные антагонисты Красного проекта. И если в Красный проект начинает просачиваться ваншенкинский лепет, отдающий вдобавок всё тем же возвращением в его пародийно-сопливой форме, — жди развала, жди краха Красного проекта, жди нового прихода Чёрной весны, жди ада на земле и так далее.

Ад на земле... Перед тем, как вернуться к нему, я всё же закончу анализ блоковского «Возмездия». Прежде всего, проведённый мною разбор ещё раз показывает, что

для Блока гуманизм — это либерализм. Иначе говоря, гуманизм для Блока — это гуманизм в наиболее узком и банальном смысле этого слова. Прокляв этот гуманизм, Блок подчёркивает, что навязанная этим гуманизмом — конечно же, буржуазно-либеральная — жизнь *«так бескровно и безболвно Пытала дух, как никогда»*. Может быть, не столь бескровно, но столь же коварно она пытается дух и сейчас, читатель, не правда ли?

А ещё Блок, как мы видим, подчёркивает, что это именно буржуазная пытка духа, пытка, осуществляемая незримо растущим злом буржуазного богатства. В недрах которого *«под знаком равенства и братства»* зреют тёмные дела вечного возвращения и воли к власти.

Сообщив нам о главном — о наличии субъекта, который знает, что делает, пытая та-

ким образом дух, Блок вопрошает о человеке. Вновь и вновь он вопрошает о нём. То есть противопоставляет высокий гуманизм пародии на этот гуманизм, именуемой гуманистическим туманом.

Блок твёрдо верит, что этот высокий гуманизм возродится в России. И потому мы можем говорить о блоковском коммунизме, весьма далёком от марксизма, но при этом соединённом с ним общей идеей высокого гуманизма.

Что же дальше пишет Блок, переходя к ХХ веку?

*Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*

Теперь всё сказано напрямую — тень Люциферова крыла и точка.

Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рёв машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлёт аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,

Невиданные мятежи. . .

Что ж человек? — За рёвом стали,

В огне, в пороховом дыму,

Какие огненные дали

Открылись взору твоему?

О чём — машин немолчный скрежет?

Зачем — пропеллер, воя, режет

Туман холодный — и пустой?

Задав эти вопросы, являющиеся главными для высокого гуманизма, историческим выражением которого в ХХ веке стал именно коммунизм, Блок предлагает читателю вернуться «*В столицу севера больную, На отдалённый финский берег*».

Тут явная отсылка к Пушкину. Но главное не в ней, хотя и она немаловажна. Главное — в столкновении двух России. Одной — величественной и проигравшей свою главную мечту — мечту о кресте над Святой Софией. И дру-

гой — революционной, таинственным образом принимающей на себя эстафету иной, но исторически преемственной, а главное, столь же мессианской мечты. Блоку понятно, что как бы величественна ни была романовская Россия, отступившая от Константинополя, то есть отрёкшаяся от мечты о восстановлении Византии, согревавшей её душу столетиями, она, отказавшись от этой мечты, проиграла. И либо на неё спикирует тёмное начало, нависающее над миром, либо она обзаведётся новой мечтой. Блок подробно описывает, как именно эта новая мечта начинает приобретать поначалу весьма смутные контуры. И пытается передать читателю не мысли свои по поводу этой новой мечты, а нечто большее. Какие-то мистериальные ощущения.

Недаром он предлагает и себе, и другим мистериально-марксистское действие стира-

ния случайных черт, то бишь выявления исторических закономерностей:

Сотри случайные черты —

И ты увидишь: мир прекрасен.

Недаром он предлагает идти от света к тьме. А также и нечто большее.

Познай, где свет, — поймёшь, где тьма.

Пусть же всё пройдёт неспешно,

Что в мире свято, что в нём грешно,

Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

Да, после этого Блок обращается к Зигфриду, столь любимому Вагнером. Которого опять-таки любил Гитлер. Но это надо быть Гитлером, чтобы любить одновременно двух абсолютных антагонистов: Вагнера и Ницше. Блок явно обращается к антиницшеанскому, то есть антинацистскому, глубоко гуманистическому Вагнеру.

Так Зигфрид правит меч над горном:

*То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
И зашипит, и станет чёрным
Любимцу вверенный клинок. . .
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!*

А дальше — самоирония, которая окончательно выявляет гуманистическое значение блоковской адресации к Зигфриду:

*Кто меч скуёт? — Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный раб,
Из глины созданный и праха. . .*

Налицо христианское самоумаление Блока, которое переходит в абсолютно марксистский анализ существа той эпохи, которая бросает вызов тому высокому гуманистическому началу, которое так дорого поэту.

И мир — он страшен для меня.

Герой уж не разит свободно, —

Его рука — в руке народной. . .

По существу, это являет собою попытку осуществления синтеза марксизма и высокогуманистической духовности. Свободно не разящий герой — это вопрос о толпе и герое, вопрос о классе и герое, вопрос об истории и её движущих силах. Кроме того, согласитесь, «его рука в руке народной» — это просто блестящий образ. Или, точнее, символ. А в подобных мистериальных гуманистических описаниях, адресующих к высокому и высочайшему, символы, конечно же, важнее всего.

А далее следует абсолютно точное описание фундаментальной ситуации в её различных регистрах — метафизическом, историческом, мироустроительном и так далее.

*Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон. . .*

*Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой. . .
Кто нанесёт ему удар? . .*

*Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.*

Пожар — это огонь. Огонь — это новая историческая страсть. Блок чувствует эту страсть в своём народе и считает её единственным спасением от вторжения в мир врага человечества с его мульками про вечные возвращения, волю к власти и так далее.

Для Блока совершенно ясно, что речь идёт о войне с этим врагом человечества. Что поэт как канал, связующий народ с духом, не может вести эту войну один, без своего народа.

Но ему ясно и другое: что народ без поэта как этого метафизического канала тоже бессилён.

*Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь тёмная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.*

Надо же, мы восхищаемся соединением марксизма и христианства в далёкой от нас латиноамериканской теологии освобождения. И не замечаем того же самого соединения у себя под носом, в отечественной поэзии. А ведь тут вам и обедня с алым притвором, и пустая церковь со спящим пастырем, и росистая межа, и стирание случайных черт, и рука героя в руке народной.

А дальше Блок впрямь служит эту свою обедню — высокогуманистическую, гуманистическо-духовную, диаметрально противоположную по духу мистерии вечного возвращения и воле к власти.

*Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода -
Два-три звена, — и уж ясны*

Заветы тёмной старины. . .

Итак, обедня в алом от зари притворе, стирание случайных черт и рука героя в руке народной — против воли к власти и вечного возвращения?

Блок и Маркс против Ницше и Хайдеггера?

Или всё-таки нам не хватает в этом противопоставлении какого-то решающего звена? Об этом в следующей статье.

Сергей Кургинян

Культурная война

Пролеткульт и Энциклопедия

Пролеткульт мог восприниматься
вождями РКПб в качестве опасно-
го конкурента партии

Ленин и Луначарский, 1920 г.

Ещё в 1911 году в работе «Культурные задачи нашего времени» А. Богданов высказал идею создания Рабочего (Пролетарского) Университета и Рабочей Энциклопедии. Предполагалось, что в Университете в результате предложенных новых форм обучения, (основанных, в том числе, на равноправии преподавателей и учеников), будут подготовлены новые кадры. А. Луначарский называл их рабочей интеллигенцией.

Богданов же говорил о «рабочих вождях»: *«В нём (Университете) должны завершать свою идейную выработку люди уже взрослые по существу, с серьёзным опытом в сфере труда и социальной борьбы. В известном — но отнюдь не аристократическом — смысле слова, это будут люди избранные: на деле доказавшие и свою общественную полезность, и стойкую по-*

следовательность, и упорное стремление к знанию, побеждающее неблагоприятные условия пролетарской жизни, работницы, с бою взявшие своё культурное воспитание. Такие «студенты» будут истинными товарищами своих «профессоров», и в свою очередь их руководителями в выполнении коллективно-творческой задачи... Новый Университет... будет в состоянии ограничить свой цикл занятий одним-двумя годами».

По замыслу Богданова, именно выпускники пролетарского Университета должны составить новую, пролетарскую Энциклопедию. Которая станет третьей составляющей в деле построения пролетарской культуры и распространения её в трудящиеся массы: воспитание и обучение в Пролеткульте, передача знаний в Университете и объединение знаний

в Энциклопедии.

Идея создания разнообразных энциклопедий обсуждалась А. Богдановым и А. Луначарским ещё на Каприйской школе, летом 1908 года. М. Горький, который читал рабочим лекции по литературе, задумал издание «ряда книг, всесторонне освещающих историю культурной жизни России» (некое подобие культурной Энциклопедии или «Энциклопедии для изучения России», как называл её Горький).

Богданов же адресует к трудам знаменитых энциклопедистов Дени Дидро и Жана Даламбера. Их Энциклопедию ещё называли «Толковый словарь наук, искусств и ремёсел». (Издавалась с 1751 по 1780 годы). Созданная накануне Великой Французской революции Энциклопедия идейно воплощала собой итог состояния знаний того времени

во Франции. В преддверии грандиозных событий, перевернувших ход мировой истории, она являлась как бы «научным прологом» нового времени.

В 19 веке Сен-Симон также пытался издать «Энциклопедию» положительных знаний. Светила науки, которым он разослал предложения для участия в этом проекте, ответили молчанием и даже насмешками, поэтому он сам писал для неё книги «Введение к научным работам XIX века» (1808), «Очерк науки о человеке» (1813), «Катехизис индустриалов» (1823–1824) и др.

А. Богданов в «Культурных задачах нашего времени» (1911 год) писал: «Во второй половине XVIII века прогрессивная буржуазия готовила свою великую революцию, энергично собирая и организуя свои силы... Вот почему передовая группа буржуазных идео-

логов создала тогда знаменитую «Энциклопедию». . . человек, прочитавший и понявший «Энциклопедию», мог уверенно сказать, что он знает своё место в природе и обществе, знает, откуда идёт и куда, что надо человечеству и каждой разумной, активной личности. . . ».

А теперь, по мнению Богданова, «Мы пришли к идее новой энциклопедии. . . Итак, в Новой Энциклопедии должна быть устранена коренная абстрактность старого познания: его разорванность и оторванность от широкой практики человеческого коллектива. Теперь наука и философия должны быть представлены в том виде, в каком они станут действительно понятны трудящемуся человечеству: как созданные в историческом сотрудничестве поколений орудия организации коллективной деятельности людей. . . В этой работе решающая роль должна принадлежать

не «варягам», а новой интеллигенции, выходящей из среды самого пролетариата, но не уходящей от него, в полной мере проникнутой его общими переживаниями. Только в зависимости от развития такой интеллигенции может быть составлен самый вопрос о великой Новой Энциклопедии».

К сожалению, вопрос о пролетарской Энциклопедии остался нерешённым и вскоре был забыт. Поскольку открытый (Богдановым и его сподвижниками) в июне 1918 года Университет через полгода был закрыт в связи с тяжёлой обстановкой на фронтах гражданской войны.

Однако почти одновременно с пролетарским Университетом в 1918 году открылась Социалистическая Академия общественных наук, заявленная как мировой центр социалистической мысли, инициатором создания ко-

торой тоже выступил Богданов и где до самой своей смерти оставался членом президиума.

Согласно «Положению ВЦИК и СНК о Социалистической академии 25.06.1918 года: «В состав Социалистической академии входят на правах её сочленов слушатели всех отделов и отделений, все члены-соревнователи, постоянно работающие в её установлениях, и, наконец, вошедшие в её состав, согласно избранию, действительные члены, профессора, лекторы и ассистенты».

Структура Академии напоминала структуру пролетарского Университета. В состав Академии входили две секции: учебно-просветительская и научно-академическая. В сферу её работы были включены научные институты: философии, истории, литературы, мирового хозяйства и экономики, аграрный, естествознания и др. Среди сотрудников ака-

демии были Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев, А. Луначарский, зарубежные марксисты К. Либкхнехт, Р. Люксембург.

Первоначально Богдановым даже предполагалось, что Академия будет работать в тесной связи с Пролетарским университетом. Но на деле оказывалось, что все его инициативы по созданию и устройению Пролетарского университета постепенно перехватывались и в том или ином виде осваивались различными государственными учреждениями и структурами.

Именно эта Социалистическая академия (ставшая в 1924 году Коммунистической) благополучно проработала до 1936 года, а потом её институты были переведены в Академию наук СССР.

Перед тем как уйти из Пролеткульта, Богданов делает весьма масштабные попытки

для его спасения и укрепления.

В 1919 году, когда в Москве собрался Первый конгресс Коминтерна, лидеры Пролеткульта в журнале «Горн» сделали заявление о желании создать Международный Пролеткульт.

И уже на Втором Конгрессе Коминтерна в Москве в 1920 году (после встречи делегатов Коминтерна и лидеров Пролеткульта) было сформировано Международное Бюро Пролеткульта под председательством А. Луначарского и опубликована декларация «Братьям пролетариям всех стран!», а вскоре заявлено о создании «Культинтерна».

На Культинтерн была возложена задача *«распространения принципов пролетарской культуры, создание организаций Пролеткульта во всех странах и подготовка Всемирного конгресса Пролеткуль-*

та».

В 1921–23 годах пролеткультовские журналы периодически сообщали о создании пролеткультовских организаций за границей: в Германии, Великобритании, Италии, США, Франции и др.

Стоит напомнить: в ноябре 1920 года решением Политбюро Пролеткульт был подчинён Наркомпросу, и его культурная деятельность поставлена под партийный контроль.

В 1922 году на IV конгрессе Коминтерна была принята резолюция «К вопросу об образовании», в которой указывалось, что «в странах, где революционные образования рабочих осуществляются специальными организациями вне Компартии, цель образования должна достигаться постоянной активностью коммунистов в этих организациях». И поэтому члены партии, которые работают в про-

летарских университетах, пролеткультах, рабочих университетах, не контролируемых напрямую партией и т.п., *«подпадают под партийный контроль и должны следовать директивам партии».*

Пролеткульт в 1923 году уже более однозначно выразил свою позицию: *«При Коминтерне должен быть создан отдел Пролеткульта, который явился бы органом, координирующим и направляющим борьбу за пролетарскую культуру на международном уровне».*

Опасения, что в Коминтерне появится, условно говоря, независимое культурное движение, вызывает в партийных кругах озабоченность и усиление давления на слишком «раскрепостившиеся» трудовые массы. После определённого идеологического прессинга деятельность Международного бюро Пролет-

культы постепенно стала затихать.

Пытаясь вывести Пролеткульт из-под удара, А. Богданов вынужден был уйти из созданной им организации осенью 1921 года. Позже он стал главой Института крови, и один из экспериментов по переливанию крови, которые Богданов проводил над собой, оказался для него неудачным. Богданов умер в 1928 году.

Ряд теоретиков Пролеткульта (В. Полянский, В. Плетнёв, Ф. Калинин) продолжали утверждать, что пролетарская культура может быть создана только представителями рабочего класса. Более того, строительство пролетарской культуры Пролеткульт объявил делом исключительно индустриальных рабочих как выразителей пролетарской идеологии в её чистой форме, игнорируя при этом не только крестьянство, но и интеллигенцию.

А когда В. Плетнёв, с 1921 года новый глава Пролеткульта, опубликовал в «Правде» статью «На идеологическом фронте» (1922 год), Ленин раскритиковал статью, оставив на тексте прочитанной статьи комментарии: «Архифальшь!», «И сколько у вас пролетариата?». Плетнёв же в своей статье писал: «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учёными, художниками, инженерами и т.п., вышедшими из его среды».

Впоследствии Л. Авербах в статье «О пометках Ленина на статье В. Плетнёва» так расшифровывал смысл ленинских замечаний: «Старый пролеткульт не только претендовал на монополию в строительстве пролетарской культуры, рассматривал себя как своеобразную культурную

партию... Тов. Плетнёв в своей статье, от сентября 22 г. ...этими, собранными у пролеткульта силами, предполагал строить пролетарскую культуру... Было чрезвычайно тревожно то, что тов. Плетнёв повторял старые пролеткульт-товские ошибки. Во много раз более опасно сегодняшнее дипломатничанье и маневрирование тов. Плетнёва около осуждённых т. Лениным и всей партией ошибок его статьи».

Словом, Пролеткульт мог восприниматься вождями РКПб в качестве опасного конкурента партии, к тому же набирающего силу и огромную популярность за счёт вовлечения в свою орбиту широких народных масс.

Вероятно, это могло послужить одной из причин, по которой идея создания и окончательного оформления пролетарского Универ-

ситета не была реализована. Как следствие, не получила своего воплощения в жизнь и идея создания пролетарской Энциклопедии. А постоянно обсуждавшиеся вопросы, что такое пролетарская культура и как она строится, так и остались без конкретного ответа.

Безусловно, были и другие причины, приведшие к слову пролеткультовского движения. И в первую очередь — отсутствие идеологического единства среди его лидеров.

Но, тем не менее, Пролеткульт оставил неизгладимый след в истории нашей страны как уникальное явление первых послереволюционных лет. Идеи и достижения Пролеткульта ещё долго служили фундаментом для создания новой социалистической культуры, науки, образования и новых социалистических форм общественной жизни.

Марина Волчкова